

ОБЕЩАНИЕ НА ОТЛИВЕ

СЕРГЕЙ ЛISOV

Сергей Лисов

Обещание на отливе

<https://litres.ru/74636143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет назад учительница Лариса Белова пообещала погибшему ученику передать его будущему ребёнку письмо и кассету. Теперь она возвращается в рыбацкий посёлок Тихая Губа и встречает шестнадцатилетнюю Машу — дочь человека, чей голос способен разрушить удобную легенду о давней морской аварии.

Запись подтверждает: владелец цеха знал о штормовом предупреждении и ради срочного заказа разрешил лодкам выйти в море. Но рыбаки тоже сделали свой выбор, а нынешний цех даёт работу тридцати двум семьям. Среди его сотрудников — взрослый сын Ларисы, который больше не хочет жить по решениям матери.

Чтобы исполнить старое обещание, Ларисе придётся понять разницу между правом сохранить правду и правом распорядиться ею. Это роман о памяти без героических легенд, ответственности без удобного единственного виноватого и доверии, которое нельзя вернуть одним правильным поступком.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Возвращение в ноябре	5
Глава 2. Школа у причала	20
Глава 3. Соседний свет	38
Глава 4. Конверт без адреса	51
Глава 5. Урок о свидетеле	71
Глава 6. Двадцать лет назад	87
Глава 7. Срок обещания	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Сергей Лисов

Обещание на отливе

От автора

Обещания редко дожидаются нас в том виде, в каком были даны. Проходит время, меняются люди, а слова, когда-то казавшиеся ясными, обрастают чужими судьбами. Исполнить обещание через двадцать лет — не значит повторить прежнее решение. Иногда прежде всего нужно вернуть право выбора тому, ради кого ты хранил тайну.

Эта история — о небольшом рыбацком посёлке, школьном архиве и записи, которую слишком долго берегли от всех. Здесь нет удобного выбора между правдой и добром. Есть живые люди, работа, семейная память и вопрос: кто вправе решать, когда чужая история должна стать общей.

Глава 1. Возвращение в ноябре

Автобус пришёл в Тихую Губу на сорок минут позже расписания и остановился не у павильона, а посреди площадки, где ветер успел слизать с асфальта мокрый снег. Водитель открыл багажное отделение, придерживая крышку плечом. Лариса узнала свой чемодан по красной ленте, хотя внизу он казался чужим: серый, забрызганный дорожной солью, слишком большой для семи месяцев.

— До мая? — спросил водитель, вытягивая ручку.

— Пока до конца учебного года.

— Значит, до мая.

Он сказал это без насмешки. Здесь привыкли измерять людей сезонами: до путины, до ледохода, до первого устойчивого снега. Семь месяцев в городе были бы временным договором. В Тихой Губе — почти кругом жизни.

От остановки к школе вела дорога между низкими домами. Лариса могла позвонить Илье, но не стала. Сын предлагал встретить её после смены в пять, автобус должен был прийти в половине третьего. Она сама написала ему утром: «Не отпрашивайся. Дойду». Теперь было без двадцати четыре, темнело, ручка чемодана заедала на каждой выбоине, а ветер с бухты бил сбоку так, будто проверял обещание на прочность.

За двадцать лет посёлок не стал меньше. Он словно раз-

двинул пустоты между домами. На месте столовой стоял магазин с яркой зелёной вывеской. Клуб обшили серым металлом. Старый рыбный склад исчез, и через освободившийся просвет была видна вода — тяжёлая, почти чёрная, с белыми полосами у камней. Причал вытянулся дальше прежнего. На конце горели два фонаря, хотя до выхода лодок оставалось много часов.

Школа сохранила жёлтые стены и широкое крыльцо. Только окна первого этажа заменили пластиковыми, а над входом повесили электронные часы. Красные цифры показывали 15:43 и плюс два. Лариса остановилась поправить шарф. В школе она проработала всего четыре года, с двадцати трёх до двадцати семи, но во сне всегда возвращалась именно к этому крыльцу. Ни к городской гимназии, где стала завучем, ни к своей последней квартире возле трамвайного кольца. К жёлтой стене, мокрым перилам и двери, которую зимой приходилось тянуть на себя обеими руками.

Теперь дверь открылась легко.

На вахте сидел незнакомый мужчина в синем свитере. Лариса назвала фамилию, достала паспорт, но он уже поднялся.

— Нина Павловна предупреждала. Кабинет вам дали двадцать третий. Ключ у неё. Чемодан оставьте, я присмотрю.

— Спасибо. Я лучше с собой.

— У нас не город, не унесут.

Лариса услышала знакомую интонацию: доверие здесь предлагали как обязанность. Если ты не оставлял вещи без

присмотр, то будто подозревал всех сразу. Она улыбнулась.

— Там рабочие тетради и ноутбук. Мне всё равно наверх.

Мужчина пожал плечами и записал время её прихода. На стене за ним висел план эвакуации, рядом — фотографии выпускников. Лариса не стала искать старые лица. Она прошла к лестнице, подняла чемодан на первую ступень и почувствовала, как тот потянул руку вниз.

— Давайте помогу.

Девочка в длинном чёрном свитере стояла у окна с пачкой ватмана. Волосы были собраны кое-как, на щеке темнела полоса от синей ручки.

— Спасибо, я справлюсь.

— Я не из вежливости. Вы лестницу перекрыли.

Лариса отодвинулась. Девочка взялась за боковую ручку, и они подняли чемодан вдвоём.

— Вы новая русичка? — спросила она на площадке.

— Лариса Андреевна Белова.

— Маша Седова. Десятый класс.

Лариса не выпустила ручку, но чемодан всё равно ударился колесом о край ступени.

Маша посмотрела вниз.

— Там стекло?

— Нет. Книги.

Фамилия могла принадлежать десяткам людей. В посёлке Седовых было столько, что в школьных журналах их различали по улицам и именам родителей. Но у этой девочки были

Денисовы светлые брови, его привычка сначала смотреть на предмет, который подвёл, и только потом на человека. Лариса помнила это движение яснее лица.

— Вам на второй? — спросила Маша.

— В двадцать третий.

— Тогда направо. Там раньше география была.

Они поставили чемодан у двери директорской. Маша подхватила ватман.

— Спасибо, — сказала Лариса.

— Не за что. Я правда пройти не могла.

Девочка ушла по коридору. Лариса смотрела ей вслед, пока чёрный свитер не скрылся за поворотом. Потом постучала.

Нина Павловна поднялась из-за стола и обняла её, пахнув влажной шерстью и мандаринами. Они учились в одном институте, но никогда не были близкими подругами. За последние годы созванивались трижды: после смерти Ларисиной матери, при назначении Нины директором и в августе, когда школа лишилась сразу двух учителей русского языка.

— Ты всё-таки приехала.

— Договор подписан.

— В городе договор тоже можно расторгнуть.

— И здесь можно.

Нина отступила и внимательно посмотрела на неё.

— Не начинай с порога. Я рада. Правда рада. Чай будешь?

На круглом столе стоял электрический чайник, две чашки

и открытая коробка конфет. Лариса сняла пальто, повесила на спинку стула. В кабинете было жарко. Батарея потрескивала, окно запотело до половины.

— Илья знает, что ты уже приехала?

— Встречаемся после его смены.

— Он хороший специалист. Виктор за него держится.

Лариса взяла чашку, хотя чай был слишком горячим.

— Я приехала работать в школе, Нина.

— Я о посёлке рассказываю.

— Тогда рассказывай о школе.

Нина Павловна поджала губы, но спорить не стала. Развернула к Ларисе расписание. Пять классов, двадцать четыре часа, классное руководство у десятого «А» до возвращения Светланы Олеговны. Та уехала ухаживать за отцом после операции и могла вернуться в феврале, а могла не вернуться до лета.

— В десятом четырнадцать человек, — сказала Нина. — Трое собираются сдавать литературу, двое русский почти провалили. Маша Седова сильная, но пишет только то, что может проверить сама. Любую общую фразу вычёркивает.

— Мы встретились на лестнице.

Нина на секунду замолчала.

— Я хотела предупредить до знакомства.

— О чём?

— Не делай вид, что не поняла. Она Денисова дочь.

— Я поняла.

— Елена не любит, когда посторонние расспрашивают про аварию. Здесь каждый юбилей находят люди, которым нужен живой рассказ о погибших. В прошлом году областные телевизионщики приезжали, сняли море, венки, детей у памятной доски. Машу попросили сказать, что она гордится отцом. Ей тогда пятнадцать было.

— Что она сказала?

— Что не помнит человека, которым её заставляют гордиться.

Лариса поставила чашку. На блюде остался мокрый полукруг.

— Правильно сказала.

— Возможно. Но Елена потом неделю не выходила на работу. Поэтому прошу: не торопись с разговорами о прошлом.

— Я не собиралась расспрашивать.

Это было правдой, но не всей. Лариса приехала не ради Маши и не ради Дениса. В августе, когда Нина позвонила с предложением, она думала о пустой городской квартире, о школе, где новый директор предлагал ей вести только подготовку к экзаменам, о том, что Илья четвёртый год отвечал на её приглашения одинаково: «Приеду, когда смогу». Она согласилась вернуться прежде, чем вспомнила точный возраст Денисовой дочери.

Вспомнила через два дня. Нашла в старой записной книжке дату: двадцать первое октября. Маше исполнилось шест-

надцать за три недели до Ларисиного приезда.

Но конверт мог не сохраниться. Школьный архив несколько раз переносили, подвал затапливало, старое здание ремонтировали. Все двадцать лет Лариса держала у себя только копию расписки: «Получено для временного хранения кабинетом краеведения». Подписала её тогдашняя директор Тамара Ивановна. Лариса убедила себя, что обещание перешло школе вместе с конвертом.

— Что ещё? — спросила она.

Нина Павловна достала связку ключей.

— Квартира учительская, в доме за почтой. Однокомнатная, печь не нужна, отопление общее. Из окна видно цех, но к запаху привыкнешь. Кабинет двадцать третий. Учебники в шкафу. И ещё хочу поручить тебе краеведческий проект.

— Нет.

— Ты даже не выслушала.

— У меня двадцать четыре часа, чужое классное руководство и два слабых ученика перед экзаменом. Я приехала в середине года. Сначала посмотрю детей.

— Проект к семидесятилетию посёлка. Материалы уже собраны, надо помочь с текстами.

— Кто ведёт сейчас?

— Валентина Сергеевна, историк. Но у неё восемнадцать часов и музеев. Тебе не придётся искать документы, только привести рассказы в порядок.

Лариса чуть не спросила, где хранятся материалы. Вместо

этого открыла расписание.

— Вернёмся к этому через неделю.

Нина улыбнулась так, будто слышала согласие.

— Хорошо. Через неделю.

Кабинет двадцать три оказался меньше, чем помнила Лариса. Возможно, раньше она сама была меньше — не ростом, а количеством вещей, которые заносила вместе с собой. На подоконнике стояли три засохшие герани. Карта России висела на месте прежней карты океанических течений. У доски лежала коробка с мелом, хотя рядом установили белый экран.

Лариса открыла шкаф. Учебники были расставлены по классам, рабочие тетради сложены стопками, на нижней полке лежали карты, папки и деревянная коробка для гербария. Она провела пальцем по краю полки. Пыли почти не было.

В учительском столе нашлись скрепки, красные ручки, пластырь и три записки от учеников прежней учительнице. Лариса не читала их. Сложила вместе и убрала в конверт. Верхний ящик закрывался плохо: что-то мешало сзади. Она выдвинула его до конца и обнаружила тонкую синюю папку, провалившуюся за направляющую.

На обложке было написано: «Краеведение. Не внесено в основной фонд». Почерк принадлежал Тамаре Ивановне — крупные буквы с одинаково прямыми хвостами.

Лариса села.

В папке лежала опись на четырёх листах. Фотографии

первой рыболовецкой артели, дневник метеопоста за семьдесят шестой год, три кассеты с рассказами ветеранов промысла, письма выпускников. Рядом с некоторыми строками стояли отметки: «передано в музей», «возвращено владельцу», «копия». Последний лист был составлен позже остальных. Бумага пожелтела только по краям.

Строка номер сорок семь: «Конверт Д. Седова, запечатан; аудиокассета — 1; условие передачи в приложении».

В графе «место хранения» значилось: «Металлический шкаф, секция Б».

Лариса прочитала строку трижды. Потом посмотрела на высокий серый шкаф у задней стены. Он был новый, с двумя дверцами и наклейкой «Архив проекта». Секция Б могла означать его нижнюю половину, а могла относиться к шкафу, которого давно не существовало.

Она не подошла сразу. Сначала сняла с батареи шарф, закрыла дверь кабинета и положила опись на стол ровно, прижав углы двумя учебниками. Достала телефон. Илья написал: «Освобожусь к шести. Заехать к школе или уже на квартиру?»

Лариса набрала: «Я ещё в школе. Давай у квартиры в шесть пятнадцать».

Он ответил: «Не задерживайся в первый день».

Она положила телефон экраном вниз.

Серый шкаф был заперт. На связке, выданной Ниной, подходящего ключа не оказалось. Лариса попробовала два ма-

леньких, один длинный, затем прекратила. Металл громко звенел в пустом кабинете. За стеной кто-то двигал стулья, в коридоре хлопнула дверь.

Она могла пойти к директору и спросить. Могла сказать, что нашла опись и обязана проверить сохранность личного вложения. Но тогда пришлось бы объяснить условие передачи, Машин возраст и собственное двадцатилетнее молчание. Лариса поймала себя на том, что уже ищет минуту, когда разговор будет удобнее.

Именно так всё начиналось тогда. Не с решения скрыть правду навсегда. С просьбы Дениса подождать до завтра. С районной проверки, которая «вот-вот разберётся». С похорон, после которых нельзя было тревожить Елену. С отъезда Ларисы, назначенного задолго до аварии. Каждая отсрочка имела причину и конец. Только вместе они составили двадцать лет.

В дверь постучали. На пороге стояла Маша, теперь без ватмана.

— Вы не видели флешку? Синяя, на шнурке. Я здесь распечатывала плакат.

— Заходи. В столе её не было.

Маша проверила возле компьютера, под клавиатурой, за системным блоком. Потом присела и достала флешку из щели между стеной и столешницей.

— Нашла.

Она выпрямилась и заметила раскрытую опись. Лариса

успела положить ладонь на последний лист, но верхние строки оставались видны.

— Это к юбилею? — спросила Маша.

— Старая папка из стола.

— Нина Павловна сказала, вы будете править наши тексты.

— Нина Павловна торопится.

— А вы не будете?

— Через неделю решу.

Маша кивнула. У двери она остановилась.

— Если будете, мой текст не сокращайте без меня. В прошлом году из него убрали половину, потому что было «слишком мрачно».

— Текст для выставки можно редактировать только с автором.

— Все так говорят до макета.

— Тогда попроси показать макет до печати.

— Просила.

Девочка ушла. Лариса убрала руку с листа. Сорок седьмая строка осталась на месте, и от этого ей стало легче и тяжелее одновременно.

Она отнесла синюю папку Нине Павловне. Директор уже надевала пальто и разговаривала по телефону. Лариса дождалась конца звонка.

— Нашла это за ящиком стола.

Нина пролистала опись.

— Я думала, она у Валентины Сергеевны. Завтра передам.

— Где металлический шкаф, секция Б?

— Какой шкаф?

Лариса показала строку.

Нина прочитала, и движение её пальца остановилось.

— Старый музейный, наверное. После ремонта всё переносили в нынешний архив. Ключ у завхоза.

— Мне нужно проверить сорок седьмую позицию.

— Зачем?

— Потому что я принимала этот конверт у Дениса.

В коридоре погасла половина ламп: вахтёр выключал свет по этажам. Нина сняла пальто и повесила обратно.

— Ты знала, что он здесь?

— Знала, что его передали школе. Не знала, сохранился ли.

— Что в нём?

— Запечатанное письмо и кассета. Я не вскрывала.

— Почему Денис отдал их тебе?

— Чтобы я передала его ребёнку после шестнадцатилетия.

Нина медленно села.

— У него тогда не было ребёнка.

— Елена была беременна. Они не успели никому сказать.

— А ты знала.

— Денис сказал, когда принёс конверт.

— Маше исполнилось шестнадцать в октябре.

— Знаю.

Нина закрыла папку.

— Сегодня ничего не открываем.

— Я и не предлагала открывать. Нужно убедиться, что конверт на месте.

— Завхоз ушёл. Валентина Сергеевна тоже. Завтра составим акт и проверим вдвоём.

Лариса хотела возразить. Двадцать лет она позволяла обстоятельствам назначать следующий день, и теперь слово «завтра» звучало почти оскорблением. Но запертый школьный шкаф нельзя было вскрывать вечером без ответственного за архив только ради того, чтобы ей стало спокойнее.

— Завтра до первого урока, — сказала она. — В восемь.

— В половине девятого рабочий день завхоза.

— Тогда в половине девятого. И составим акт до того, как возьмём конверт в руки.

— Сначала посмотрим, есть ли он вообще.

— Именно это я и сказала.

Нина положила папку в сейф рядом со своим столом. Повернула ключ дважды и записала что-то в журнале.

— Маше сегодня не звони, — сказала она.

— Сегодня не буду. Но не потому, что ты запретила. Я должна сначала подтвердить, что мне есть что передавать.

— А Елене?

— Денис назвал адресата. Маша уже в том возрасте, который он указал.

— Она несовершеннолетняя.

— Поэтому передавать будем не тайком и не на перемене.

Но решение о содержимом нельзя заранее отдать взрослым только потому, что нам так спокойнее.

Нина посмотрела на сейф.

— Ты приехала три часа назад.

— Конверт ждал не три часа.

На улице стало совсем темно. Лариса забрала чемодан с вахты и пошла к учительскому дому. Ветер стих, снег перешёл в мелкий дождь. От рыбного цеха тянуло дымом и солёной водой. За высоким забором гудела вентиляция. В освещённых окнах двигались люди в белых халатах и сетчатых шапочках.

У калитки стоял Илья. Он был выше, чем запомнилось после летней встречи, хотя взрослые сыновья не вырастают за четыре месяца. Просто здесь, рядом со школой и цехом, он занимал больше места в её прежней жизни.

— Ты промокла, — сказал он вместо приветствия.

— Немного.

Он обнял её одной рукой, другой взял чемодан.

— Я же предлагал забрать.

— Я дошла.

— Вижу. Чем занималась до семи?

Лариса посмотрела через дорогу на тёмные школьные окна. Только директорский кабинет ещё светился.

— Разбиралась с расписанием. Нашла старую архивную

опись.

Илья переставил чемодан через лужу.

— В первый день?

— Она лежала в моём столе.

— Мам, ты приехала детей учить. Не надо сразу спасать весь школьный музей.

— Не буду.

Она сказала это уверенно. Спасать архив не требовалось. Требовалось найти одну строку, один конверт и человека, которому его обещали.

У подъезда Илья поставил чемодан и достал ключ от учительской квартиры. Нина передала ему запасной комплект утром, чтобы он проверил отопление.

— Я купил хлеб, молоко и яйца. Чай там был. Завтра после смены покажу, где магазин подешевле.

— Спасибо.

— В субботу поужинаем у меня. Если не передумаешь.

— Не передумаю.

Илья открыл дверь, включил свет и отдал ей ключ. На ладони у Ларисы лежал простой плоский металл с пластмассовой биркой. Ключ от временной квартиры, рассчитанной до мая. Завтра ей покажут другой ключ — от школьного шкафа, в котором, возможно, хранилось обещание длиной в двадцать лет.

Она не имела права снова перепутать ожидание с исполнением.

Глава 2. Школа у причала

В половине восьмого утра причал был виден из окна учительской квартиры целиком. Вчера его скрывали темнота и мокрый снег, а теперь внизу лежала длинная чёрная площадка, уходящая в серую воду. У дальнего края покачивались две лодки. Третью вытянули на берег и поставили на деревянные козлы; мужчина в оранжевой куртке скоблил её борт, будто ноябрь ничем не отличался от июля.

Лариса стояла у окна с чашкой и пыталась понять, где заканчивается посёлок. За школой поднимался пологий склон с пятиэтажками, ниже теснились старые дома, сараи и гаражи, а дальше всё собиралось возле воды: магазин снастей, коптильня, цех Корнеева и причал. В городе школа могла не знать, чем живут родители учеников. Здесь достаточно было открыть окно.

Она пришла за сорок минут до первого урока. В коридорах пахло мокрыми куртками, средством для пола и кашей из столовой. У входа двое восьмиклассников снимали с батареи варежки, забытые накануне. Вахтёр Виктор Степанович выдал Ларисе временную карточку и сказал, что завхоз уже поднялась в архив.

У кабинета двадцать три ждала Нина Павловна. Рядом с ней стояла невысокая женщина в рабочем халате и держала связку ключей размером с детскую погремушку.

— Галина Семёновна, наш завхоз, — представила директор. — Сейчас проверим шкаф и составим акт. Но до уроков у нас двадцать минут.

— Если найдём, я хочу, чтобы предметы остались в опечатанном пакете, — сказала Лариса. — И чтобы в акте записали условие передачи.

Галина Семёновна посмотрела на неё поверх очков.

— Сначала откроем. А то делим шкуру конверта, которого мыши съели.

Серый шкаф открылся третьим ключом. На верхних полках стояли папки ученических проектов, внизу — две картонные коробки и старый металлический ящик для денег. Нина сверялась с описью, Галина Семёновна доставала предметы. Коробка с фотографиями, папка метеопоста, пачка писем выпускников. Сорок седьмой позиции не было.

Лариса присела перед шкафом и провела ладонью по нижней полке. На металле остались светлые прямоугольники от коробок. За задней стенкой шкафа шёл узкий зазор.

— Его переносили из старого кабинета? — спросила она.

— Сначала в музей, потом сюда, — ответила завхоз. — Когда крышу над музеем чинили. Всё складывали по списку.

— По какой описи?

— По нормальной. С подписями.

Галина Семёновна обиделась не на вопрос, а на возможность беспорядка в своём хозяйстве. Она ушла и вернулась с толстой папкой. В акте переноса значилось сорок шесть еди-

ниц. Строки про Денисов конверт не было.

— Эта опись лежала отдельно, — сказала Нина. — Возможно, Тамара Ивановна не успела внести вещи в основной фонд.

— Так на синей папке и написано, — заметила Лариса.

— Тогда искать надо не здесь, — заключила завхоз. — При ремонте непоставленное на учёт складывали в подсобку музея. Там полчаса мало.

Прозвенел первый звонок. По коридору прокатился топот, кто-то засмеялся, кто-то крикнул, что забыл сменку. Лариса выпрямилась слишком резко и ударилась плечом о дверцу.

— После уроков, — сказала Нина.

— Во сколько?

— В три. Валентина Сергеевна закончит занятия и откроет музей.

Лариса посмотрела на пустую нижнюю полку. Ей хотелось потребовать немедленного поиска, но в кабинет уже заглянул мальчик с учебником под мышкой.

— Лариса Андреевна, нам сюда или в тридцать первый?

— Сюда. Заходите.

Она закрыла шкаф. До трёх часов конверт не становился ни целее, ни потерянее. А перед ней стояли люди, ради которых она якобы вернулась.

Первым был восьмой класс. За двадцать лет изменились доски, учебники и слова в электронном журнале, но дети по-

прежнему проверяли нового учителя одинаково. Один спросил, можно ли писать печатными буквами. Другой сообщил, что прежняя учительница разрешала выходить без спроса. Девочка у окна подняла руку и поинтересовалась, снизит ли Лариса оценку за почерк, если слово прочитано правильно только с третьей попытки.

— Проверим на опыте, — ответила Лариса. — Запишите три предложения о дороге в школу сегодня утром. Только то, что вы сами видели.

— А если меня подвезли? — спросил мальчик с задней парты.

— Значит, видели дорогу из машины.

— А если спал?

— Тогда напишите о том, что увидели, когда проснулись.

Через пять минут выяснилось, что почти все прошли или проехали мимо воды. У одного на причале ругались из-за оборванного троса. Другая заметила, что чайки сидели на крыше цеха, хотя обычно кружили над лодками. Третий написал: «Море сегодня злое». Лариса подчеркнула слово и спросила, как именно море это показало.

— Оно серое, — сказал автор.

— Куртка у тебя тоже серая.

— Волна бьёт о бетон.

— Вот это уже можно увидеть и услышать.

К концу урока на доске стояли глаголы: било, тянуло, скрипел, валил, мигал. Лариса не успела выполнить полови-

ну упражнения из календарного плана, зато поняла, что дети различают погоду не по градусам. Они знали, при каком ветре отменят катер, когда лодку надо вытаскивать на берег и почему нельзя сушить перчатки слишком близко к батарее после работы с рыбой.

На перемене к ней подошёл тот самый мальчик с задней парты.

— Вы «пришвартованный» правильно написали?

— Правильно. А что?

— Отец говорит «пришвартованная лодка», а дед — «привязанная». Они спорят.

— Оба могут быть правы. Только дед говорит проще.

— Значит, ему не надо переучиваться?

— Если он не пишет инструкцию для порта, не надо.

Мальчик удовлетворённо кивнул, будто Лариса разрешила старому человеку остаться в семье.

Десятый класс пришёл после большой перемены. Четырнадцать человек заняли места без суеты. Маша сидела у окна во втором ряду. На парте лежали тетрадь, пенал и сложенный лист ватмана, тот самый или похожий. Она поздоровалась вместе со всеми и больше ничем не показала, что вчера помогала Ларисе с чемоданом.

Лариса открыла журнал. Фамилии здесь были как схема посёлка: двое Корнеевых, три Седовых из разных семей, Лобанов, чей отец держал магазин, Васильева из администрации, Ахметов, мать которого работала на почте. Возле мно-

гих стояла одна и та же пометка прежнего классного руководителя: «цех», «море», «район». Лариса сначала не поняла, потом догадалась: куда собирается ученик после школы или где может работать семья.

— Я буду вести у вас русский и литературу до конца года, — сказала она. — Возможно, ещё классные часы. Обещать, что привыкнем друг к другу за неделю, не стану. Но правила лучше обсудить сразу. Я не читаю ваши работы вслух без разрешения. Не исправляю смысл ради красивого текста. Ошибки исправляю, иногда беспощадно.

На последней парте кто-то тихо сказал:

— Уже хорошо.

— Что именно?

Поднялся худой парень в толстовке с эмблемой хоккейной команды.

— Что смысл не исправляете. У нас к юбилею все тексты должны быть радостные.

— Это кто сказал?

— Никто, — ответила Маша. — Просто грустные не проходят.

Над классом повисла осторожная тишина. Лариса узнала её: дети ждали, станет ли взрослый защищать другого взрослого, которого даже не называли.

— Текст должен соответствовать задаче, — сказала она. — Поздравление может быть радостным. Историческая работа обязана быть точной. Иногда это разные тексты.

— А юбилейный проект какой? — спросил парень.

— Я ещё не согласилась его вести.

Маша перевернула ручку между пальцами.

— Нина Павловна сказала на линейке, что согласились.

Лариса почувствовала раздражение и почти позволила ему прозвучать.

— Нина Павловна сообщила желаемый результат раньше переговоров. Такое случается с директорами. С учителями тоже. До конца дня я дам точный ответ.

Класс зашевелился. Несколько человек улыбнулись. Маша не улыбнулась, но положила ручку.

Темой урока был спор в публицистическом тексте. В городской гимназии Лариса брала заметки о транспорте, школьной форме или телефонах на уроке. Здесь в папке прежней учительницы лежал газетный материал о закрытии старого причала. Автор утверждал, что посёлку нужен новый прогулочный берег, а рыбацкие лодки можно перенести в соседнюю бухту.

— Это писал человек, который здесь не был, — сказал Игорь Корнеев с последней парты.

— По каким словам ты это понял?

— «Соседняя бухта». Там зимой лёд давит. И дорога только через сопку.

— В тексте этого нет. Значит ли это, что автор ошибся?

— Значит, он не проверил.

— Докажите.

Лариса разделила доску пополам. Слева записала доводы статьи, справа — вопросы к ним. Ученики быстро нашли, что в заметке нет числа лодок, расстояния до соседней бухты, стоимости переноса и мнения тех, кто выходит в море. Труднее оказалось отделить ошибку от позиции. Игорь называл ложью любое утверждение, которое ему не нравилось. Маша однажды подняла руку, потом опустила, но Лариса заметила.

— Говори.

— Фраза «старый причал мешает развитию» не факт и не ложь. Это мнение. Но его напечатали так, будто все знают, что развитие выглядит именно так.

— Хорошо. Как сделать честнее?

— Написать, кому мешает и какому развитию.

Лариса записала Машин вопрос на доске. В ту секунду ей особенно ясно стало, почему нельзя просто позвать девочку после урока и положить перед ней конверт. Передача не была вручением забытой тетради. Маша имела право знать, что получит, кто будет рядом, где останется оригинал и может ли она уйти, не открывая его. Но всякий дополнительный день после срока был ещё и удобством взрослых.

— Домашняя работа, — сказала Лариса перед звонком. — Найдите одно утверждение о посёлке: в газете, на сайте администрации, на памятной табличке, где угодно. Запишите, что в нём факт, что мнение и чего не хватает для проверки.

— На табличке у цеха можно? — спросил Игорь.

— Если перепишешь точно.

Маша подняла глаза.

— Там написано, что предприятие восстановило промысел после аварии.

— Значит, можно проверить, что именно восстановило, когда и по сравнению с чем.

— А про саму аварию можно?

В классе снова стало тихо. Несколько человек посмотрели на Машу, потом на Ларису.

— Можно взять любое доступное утверждение, — ответила она. — Но семейные сведения не становятся общими только потому, что учителю нужна домашняя работа. Пользуйтесь тем, что уже опубликовано, и не давите на людей ради подробностей.

Маша кивнула. Лариса не поняла, устроил ли её ответ.

После урока девочка не ушла вместе со всеми. Она дождалась, пока Игорь заберёт рюкзак, и развернула ватман. На нём был макет юбилейного стенда: линия берега, фотографии старых домов и пять пустых прямоугольников для текстов.

— Это тот проект, на который вы ещё не согласились, — сказала Маша. — Я делаю оформление.

— Вижу.

— Мне нужно знать, оставлять место под рассказ об аварии или нет. Валентина Сергеевна говорит оставить. Нина Павловна говорит, сначала решить, в каком тоне.

— А ты что думаешь?

— Что тон выбирают после фактов.

Лариса опёрлась ладонями о стол. Если бы она услышала эту фразу от незнакомой ученицы, то похвалила бы точность. Теперь любое одобрение казалось способом приблизиться к Маше не как учительнице, а как хранителю Денисова письма.

— Согласна, — сказала она. — Но сегодня стенд не решим. Я сначала посмотрю собранные материалы и поговорю с Валентиной Сергеевной.

— Вы знали моего отца?

Вопрос прозвучал без подготовки. Лариса не отвела взгляд.

— Да. Я преподавала у него русский в девятом и десятом классе.

— Нина Павловна сказала?

— Нет. Я знала, кто ты, когда услышала фамилию. Вчера не была уверена сразу.

— Все уверены сразу. Я на него похожа.

— Похожа.

Маша провела ногтем по краю ватмана.

— Вы поэтому вернулись?

— Нет. Мне предложили работу в августе. Я согласилась по своим причинам.

— А какие у вас свои причины?

Лариса могла ответить про сокращение нагрузки, пустую

квартиру, взрослого сына. Но ученический вопрос не давал права выгружать на стол всю взрослую жизнь.

— Мне захотелось снова работать в обычном классе, а не заниматься расписанием и отчётами. И хотелось быть ближе к сыну.

— Илье? Он у Виктора Павловича работает.

— Да.

Маша свернула ватман трубкой.

— Здесь трудно быть ближе к одному человеку и не оказаться рядом со всеми остальными.

Она сказала это спокойно, как местное правило о ветре. Потом спросила:

— Если согласитесь на проект, вы дадите нам читать все материалы?

— Все, которые принадлежат школьному архиву и не содержат личных сведений. Частные письма — только с разрешения владельцев или адресатов.

— Даже если они давно лежат в школе?

— Место хранения не отменяет того, кому письмо предназначалось.

Маша посмотрела на неё внимательнее.

— Ладно. До завтра.

Когда она ушла, Лариса села за стол и несколько секунд смотрела на закрытую дверь. Разговор подошёл слишком близко к правде, но правду нельзя было сообщать намёком. Намёк оставил бы Машу одну догадываться, а Ларисе позво-

лил бы считать, будто она уже начала исполнять обещание.

В столовой на обед давали рыбный суп и гречку с котлетой. Учителя сидели за крайним столом. Валентина Сергеевна, сухая женщина с короткой стрижкой, принесла с собой кипу папок и положила их на свободный стул.

— Нина сказала, вы нашли дополнительную опись, — начала она. — Я этот синий скоросшиватель лет пять искала.

— Он упал за ящик стола.

— Там половина нашего музея могла исчезнуть. Когда географию переносили, всё шло коробками. Хорошо хоть ничего не выбросили.

— Вы уверены?

Валентина Сергеевна отложила ложку.

— Теперь уже нет. Что именно пропало?

— Пока не знаем, пропало ли. Конверт и кассета, не внесённые в основной фонд.

— Чьи?

— Дениса Седова.

Учительница посмотрела в сторону соседнего стола, где две воспитательницы обсуждали отопление в младшем корпусе.

— Тогда после уроков пойдём втроём, — сказала она тише. — В подсобке есть коробка Тамары Ивановны. Я не разбираю её, потому что на ней написано «личное».

— Почему она в школе?

— Тамара Ивановна умерла семь лет назад. Дочь забрала

книги и одежду, а бумаги оставила музею. Я пересмотрела журналы, грамоты, переписку с выпускниками. Заклеенную коробку не тронула. Подумала, раз личное, пусть лежит до описи с комиссией. Комиссию всё собирались назначить.

Лариса почувствовала злость на эту неспешность и тут же узнала в ней собственную. Коробка ждала семь лет. Она — двадцать.

— Сегодня откроем с актом, — сказала Нина Павловна, садясь рядом. — И заодно решим проект. Лариса, я видела, как ты провела урок. Дети после звонка спорили про статью в коридоре.

— Это ещё не согласие.

— Чего тебе не хватает?

— Понять задачу. Если вам нужен праздничный стенд с заранее правильным выводом, я не подхожу.

— Нам нужен стенд, который администрация не снимет за два дня до юбилея.

— Это не задача, а страх.

Нина вздохнула.

— Хорошо. Семьдесят лет посёлку. Показать, как он менялся и чем живёт сейчас. Не поссорить семьи. Не превратить школьников в следователей.

— И не заставить их повторять удобную версию, — добавила Валентина Сергеевна.

— И это тоже.

Лариса размешала остывшую гречку.

— Тогда я возьму тексты, если каждый опубликованный факт будет иметь источник, а дети увидят макет до печати. Личные истории — только с письменного согласия. Спорные сведения обозначаем как спорные или не ставим до проверки.

— Ты всегда так принимаешь маленькие поручения? — спросила Нина.

— Ты всегда называешь маленьким поручением работу к юбилею всего посёлка?

Валентина Сергеевна усмехнулась.

— Записывайте условия, Нина Павловна. Пока она цену не подняла.

Директор достала ручку.

— Значит, согласна?

— Согласна редактировать и учить детей работать с источниками. Руководим вместе с Валентиной Сергеевной. Один взрослый не должен решать, что посёлку помнить.

— Вот теперь я узнаю тебя, — сказала Нина.

— Ты меня двадцать лет не знала.

— Поэтому и узнаю по старым недостаткам.

После шестого урока они спустились в школьный музей. Он занимал бывшую раздевалку младших классов. За стеклом лежали компас, обломок судового колокола, комсомольские билеты и чёрно-белые фотографии. На центральной стене висела большая карта бухты. Возле красной отметки у причала была приколоты выцветшая лента.

Подсобка оказалась теснее кладовой. Коробки стояли до потолка, между ними оставался проход на одного человека. Галина Семёновна принесла складной стол, прозрачные пакеты, перчатки и школьную печать. Лариса оценила эту обстоятельность, которой утром почти возмущалась.

Коробка Тамары Ивановны была перевязана бечёвкой. На крышке выцвела надпись: «Личное. Разобрать отдельно». Нина составила акт вскрытия. Все четверо расписались. Валентина перерезала бечёвку ножницами.

Сверху лежали поздравительные открытки, блокноты, старые удостоверения. Потом — конверты с фотографиями выпусков. Лариса брала каждую пачку обеими руками и передавала Нине. На самом дне обнаружился небольшой железной ящик из-под печенья. Крышка была обмотана бумажной лентой, на ленте стояла подпись Тамары Ивановны.

Лариса узнала свою фамилию раньше, чем прочла остальные слова.

«Получено от Л. А. Беловой. Не вскрывать. Передать по приложенному условию».

Нина внесла ящик в акт. Галина Семёновна осторожно сняла бумажную ленту, не разрывая подпись. Внутри лежали большой бурый конверт, аудиокассета в прозрачной коробке и сложенный вчетверо лист.

Конверт был заклеен. Поперёк клапана Денис написал свою фамилию и дату. Чернила побледнели, но линия нигде не прерывалась. На кассете синей ручкой стояла та же дата.

Ларисина записка начиналась словами: «Передать ребёнку Дениса Седова после достижения шестнадцати лет».

Нина прочла условие вслух. Никто не заговорил сразу.

— Маша была сегодня у тебя на уроке, — сказала Валентина Сергеевна.

— Была.

— И ты не сказала?

— Я не знала, сохранилось ли это. И не собираюсь сообщать ей в коридоре между уроками.

— Елену надо вызвать первой, — сказала Нина.

Лариса посмотрела на конверт. Двадцать лет назад Денис держал его точно так же — двумя руками, хотя внутри было несколько листов. Он боялся не веса, а того, что бумагу можно отнять.

— Сначала я поговорю со школьным психологом, — сказала она. — Мы подготовим безопасную передачу и предложим Маше выбрать время. Елену нельзя исключать, но адресат указан ясно.

— Ты уже решила порядок за всех, — заметила Нина.

— Нет. Я решила только не отдавать письмо другому человеку до разговора с адресатом.

Галина Семёновна прокашлялась.

— Пока вы спорите, мне куда это класть?

Они поместили каждый предмет в отдельный прозрачный пакет, пакеты — в новый архивный короб. Нина наклеила полоску бумаги, поставила школьную печать и четыре под-

писи. Короб отнесли в директорский сейф. В акте указали: до передачи адресату доступ только в присутствии двух сотрудников.

Когда всё закончилось, за окнами снова было темно. В музей заглянула Маша. Она держала куртку в руках.

— Валентина Сергеевна, вы идёте? Автобус через семь минут.

— Беги, я на следующем.

Маша заметила пустую коробку Тамары Ивановны, бумаги на столе и серьёзные лица взрослых.

— Нашли что-то для проекта?

Лариса могла сказать «нет». Это было бы проще и почти допустимо: найденное не предназначалось для юбилейного стенда. Но слово стало бы первой прямой ложью Маше.

— Нашли частный архивный материал, — ответила она.

— К проекту его не отнесём, пока не будет согласия того, кому он предназначен.

— Понятно, — сказала Маша, хотя по её взгляду было ясно, что ничего ей не понятно.

Она ушла. Через стеклянную дверь музея Лариса видела, как девочка надела куртку на ходу и побежала к выходу.

— Завтра? — спросила Нина.

— Завтра утром поговорю с психологом. Потом назначим встречу с Машей как можно скорее.

Лариса выключила свет в музее. В темноте карта бухты ещё несколько секунд белела на стене. Снаружи ударил

школьный звонок — не на урок, а автоматический, оставшийся в расписании после окончания занятий.

До сегодняшнего дня обещание существовало только в её памяти и в строке старой описи. Теперь у него снова появился вес: конверт, кассета, четыре подписи на пломбе. И человек, которому следовало сказать правду, только что стоял в трёх шагах от неё.

Глава 3. Соседний свет

В учительском доме стены пропускали не слова, а привычки. Слева сосед кашлял перед тем, как включить воду. Сверху ребёнок трижды бросал на пол что-то круглое. Справа после девяти начинала работать швейная машина. Лариса лежала в темноте и слушала, как незнакомые люди устраиваются на ночь, пока за окном гудел цех.

Он стоял через дорогу, ниже школьного склона. Днём белые стены и синие ворота казались почти новыми, ночью над забором висел жёлтый свет. Вентиляция не умолкала. Иногда открывались ворота, выезжал погрузчик, и на стенах квартиры двигались полосы фар.

В городе Лариса засыпала под трамваи. Здесь ей мешала не громкость, а знание, кому принадлежит каждый звук.

Она встала, налила воды и увидела у цеховых ворот Виктора Корнеева. Узнала по тяжёлой походке и привычке держать левое плечо выше правого. Он шёл рядом с водителем фургона, показывал на кузов, потом присел и провёл ладонью под задней дверью, проверяя, не течёт ли талая вода. Двадцать лет назад Виктор двигался быстрее, носил красную вязаную шапку и смеялся раньше, чем понимал шутку. Теперь на нём была тёмная куртка со светоотражающей полосой, и даже из окна напротив он выглядел человеком, которому некогда оглядываться.

Лариса отступила за занавеску. Через минуту разозлилась на себя и вернулась к окну. Она не приехала следить за Виктором. Но и прятаться в собственной кухне не собиралась.

Утром Илья написал, что заберёт её после уроков и покажет магазин. Сообщение пришло в тот момент, когда школьный психолог Оксана Юрьевна предложила назначить разговор с Машей на пятницу.

— Завтра нельзя? — спросила Лариса.

— Можно, если задача — скорее сообщить. Если задача — дать ей выбор, лучше сначала объяснить матери, что мы не собираемся вскрывать письмо без Маши.

— А если Елена потребует отдать ей конверт?

— Тогда у нас будет ещё один трудный разговор. Но она не узнает о находке от дочери вечером за ужином.

Лариса согласилась позвонить Елене вместе с Ниной Павловной. До звонка оставалось несколько часов, и всё равно ей казалось, что обещание опять отложили по расписанию взрослых.

Илья ждал возле школы в старом сером универсале. На пассажирском сиденье лежала упаковка резиновых перчаток, сзади — две коробки с банками.

— Служебная машина? — спросила Лариса.

— Моя. Просто я после смены. Коробки Виктору Павловичу завезу по дороге.

— Что в них?

— Пробы крышек. Мам, если будешь проверять каждую

коробку, до магазина не доедем.

Он улыбнулся, но Лариса услышала предупреждение. Она положила сумку под ноги.

— Я спросила из любопытства.

— Тогда извини. Мы сегодня полсмены искали, почему партия банок закрывается с перекосом. У меня любое «что там» звучит как начало проверки.

Они спустились к центру. Магазин оказался в пристройке к пятиэтажному дому. Илья показал, где стоят крупы, где привозят свежий хлеб и почему овощи лучше покупать по вторникам, а не в день поставки.

— По вторникам они хотя бы признаются, что огурцы вчерашние, — сказал он.

Лариса положила в корзину картофель, лук, масло и пачку кофе. Илья добавил соль.

— Соль у меня есть.

— Я вчера не видел.

— Она в верхнем шкафу.

— Значит, будет две.

У кассы женщина в зелёном фартуке узнала Ларису.

— Андреевна? Вернулись всё-таки? Я у вас в седьмом училась, Танька Лобанова.

Лариса вспомнила не лицо, а сочинение про собаку, которая каждое утро провожала девочку до остановки.

— Татьяна. Конечно.

— Врёте, — добродушно сказала кассирша. — Но прият-

но. Вы теперь моего Вадима учите. Он сказал, вы деда защи-
тили, который говорит «привязанная лодка».

Илья посмотрел на мать.

— Уже защищаешь население?

— Всего лишь объяснила разницу между словом и ошиб-
кой.

— С неё всегда так начинается, — сказал он кассирше.

На улице Лариса взяла у сына один пакет.

— Что начинается?

— Ничего. Пошутил.

— Ты сказал это не впервые.

Илья открыл багажник и поставил покупки рядом с ко-
робками.

— Ты успела за полтора дня найти школьный архив, взять
юбилейный проект и стать семейной новостью у Лобановых.
Я просто заметил скорость.

— Про архив я тебе не рассказывала.

— Нина Павловна утром заходила в цех к Виктору. Про-
сила старые фотографии и список работников для проекта.
Сказала, что ты уже подняла описи.

— Подняла одну опись, которая лежала в моём столе.

— Я не обвиняю.

— Тогда зачем произносишь это таким тоном?

Илья закрыл багажник.

— Потому что знаю, как будет. Ты найдёшь старую непра-
вильность, решишь, что обязана её исправить, и не заметишь

людей, которые живут вокруг неё сейчас.

Мимо прошла женщина с санками, хотя снега на дороге почти не осталось. Лариса подождала, пока она отойдёт.

— Ты говоришь о чём-то конкретном?

— Пока нет. И хочу, чтобы так осталось.

Они сели в машину. Илья включил обогрев, но не тронулся.

— Виктор просил отвезти коробки домой, — сказал он.

— Поедем через Старую улицу. Заодно увидишь, где я живу.

Дом Ильи стоял в пяти минутах от учительского, если идти через пустырь, и в десяти, если по дороге. Небольшой деревянный дом с новой металлической крышей делился на две половины. В правой жил Илья, в левой — Виктор.

— Вы соседи? — спросила Лариса.

— Уже третий год.

— Ты говорил, что снимаешь половину дома у предприятия.

— Так и есть. Дом Виктора Павловича, цех оплачивает часть аренды. Он живёт за стеной.

— И тебя это устраивает?

— До сегодняшнего дня устраивало.

Лариса сделала вид, что не услышала последнюю фразу. Илья вышел, взял коробки. Дверь соседней половины открылась прежде, чем он дошёл до крыльца.

Виктор стоял без куртки, в сером свитере. Волосы у него стали почти белыми, лицо потемнело от ветра. Он посмотрел

на Ларису через крышу машины и не удивился.

— Приехала, — сказал он.

— Приехала.

— Надолго?

— До конца учебного года по договору.

— Значит, надолго.

Илья поднял коробки повыше.

— Крышки. Юра передал протокол замеров, он сверху.

— Занеси на веранду.

Виктор спустился с крыльца. Они с Ларисой оказались по одну сторону машины. Раньше он был старше её всего на восемь лет и казался человеком из следующей жизни. Теперь разница почти исчезла.

— Нина просила помочь с юбилеем, — сказал он. — Фотографии цеха дам. Только не те, где старый холодильник. Он у нас с девяносто восьмого не работает, а его каждый раз печатают, будто мы там до сих пор рыбу морозим.

— Материалы будут проверять дети.

— Дети пусть проверяют. Ты тоже посмотри. Говорят, за один урок уже научила их сомневаться в табличках.

— Быстро у вас разносят школьные новости.

— Посёлок маленький. Игорь мой племянник.

Илья вернулся на крыльцо и остановился между ними, хотя расстояние было достаточным.

— Мам, я чай поставлю. Виктор Павлович, протокол в коробке.

— Вижу.

Виктор не уходил.

— Табличка у цеха правдивая, — сказал он. — Мы после аварии людей не бросили, лодки восстановили, заказы вернули.

— На уроке мы не решали, правдивая она или нет. Учились задавать вопросы к утверждению.

— Вопросы задавать легко. Рыбу в море вернуть труднее.

— Рыбу возвращают не люди.

— Промысел, Лариса. Не цепляйся к словам.

— Я учитель русского. Иногда это работа.

Виктор усмехнулся. В этой усмешке на секунду появился прежний человек в красной шапке.

— Ну да. Забыл.

Он взял одну коробку, хотя Илья уже поставил обе на веранде, и понёс в дом.

Ильина половина была отремонтирована просто: белые стены, светлые доски пола, широкий стол у окна. На холодильнике магнитом держался график смен. Лариса увидела ночные часы, дни санитарной мойки, фамилии восьми человек.

— У тебя уютно, — сказала она.

— Это звучит так, будто ты ожидала матрас возле станка.

— Я не знала, чего ожидать. Ты почти не присылал фотографии.

— Потому что ты на фотографиях ищешь, что исправить.

Илья налил воду в чайник. Лариса сняла пальто, села у стола.

— Ты второй раз за вечер говоришь со мной как с человеком, который портит всё, к чему прикасается.

— Нет. Как с человеком, который уверен, что последствия наступают только у виноватых.

— Я никогда так не думала.

— Когда ты писала жалобу на нашу городскую школу из-за поборов, уволили завхоза. Не директора, который придумал сборы. Завхоза, которая собирала конверты. Когда подняла историю с липовыми часами у учителей, ставку потеряла молодая лаборантка, потому что её часы проще всего было снять. Ты была права оба раза. И оба раза говорила, что иначе нельзя.

Лариса помнила завхоза. Не знала, что Илья запомнил лаборантку.

— Значит, надо было молчать?

— Значит, между молчать и бить тревогу есть время посмотреть, по кому она ударит.

Чайник выключился. Илья не сразу встал.

— Что нашли в архиве? — спросил он.

Лариса посмотрела на график смен. В пятницу у Ильи стояла ночь. Рядом мелко было дописано: «приёмка сельди».

— Частные материалы, — сказала она. — Я не могу обсуждать их без разрешения адресата.

— Они про аварию?

Она не ответила. Этого оказалось достаточно.

Илья встал, налил чай в две кружки. Себе положил две ложки сахара, как в детстве.

— Мам, там погибло три человека. Полпосёлка до сих пор уверено, что знает, кто виноват. Вторая половина устала от первой.

— Поэтому прошлое исчезло?

— Нет. Оно в каждом разговоре. Просто ты слышишь его впервые за двадцать лет.

— Я не впервые его слышу.

— Тогда тебя здесь не было.

Слова легли между ними ровно, без крика. Лариса взяла кружку, но чай был слишком горячим.

— Я уехала по распределению Игоря, — сказала она. — Мы с твоим отцом договорились за год до аварии.

— Я знаю. Мне не пять лет.

— Иногда ты говоришь так, будто я сбежала.

— Ты уехала. Это не преступление. Но не надо возвращаться с мыслью, что все двадцать лет здесь ждали твоего решения.

Лариса подошла к окну. За тонкой занавеской светилась кухня Виктора. Он сидел за столом, читал бумаги из коробки и делал пометки карандашом. Между половинами дома была одна стена, но окна смотрели в разные стороны.

— Ты его защищаешь? — спросила она.

— Я защищаю свою работу и людей, которые получают

зарплату вовремя. А Виктор Павлович пусть сам отвечает за то, что делал.

— Даже если одно связано с другим?

— Связано. Но не одинаково.

Илья открыл холодильник, достал контейнер с пирогом.

— Тётя Зоя передала. Будешь?

— Кто такая тётя Зоя?

— Начальница смены. Её муж погиб в той лодке вместе с Денисом.

Лариса обернулась.

— Она работает у Виктора?

— Восемнадцать лет. И ненавидит, когда за неё решают, что это предательство памяти мужа. Теперь понимаешь, почему я прошу не начинать старые споры вслепую?

— Я не собираюсь начинать спор.

— Он уже начался, если материал про аварию найден в школе перед юбилеем.

— Это не материал для юбилея.

— Посёлок этого не знает. Но скоро узнает, что взрослые закрылись в музее и нашли коробку Седова. Маша уже могла рассказать матери.

Лариса сжала ручку кружки. Она думала о праве Маши на спокойную передачу, о сейфе и четырёх подписях. Но право нельзя было защитить, сделав вид, что вокруг нет любопытства.

— Завтра Нина позвонит Елене, — сказала она.

— Значит, до завтра Виктору ничего не говорить?

— Почему ты решил, что ему вообще надо говорить?

— Потому что он мой работодатель и сосед. Если это касается цеха, я не хочу узнать последним.

— А я не имею права пересказывать чужое письмо тебе только потому, что ты работаешь у возможного участника событий.

Илья отрезал пирог, положил кусок на тарелку.

— Вот. Уже «возможный участник».

— Виктор был там. Это не тайна.

— Он был на берегу. В море ушли взрослые люди. Был прогноз, не было официального запрета. Был срочный заказ. Было решение выйти. Если в твоей коробке есть другая версия, проверь её прежде, чем строить вокруг неё жизнь.

Лариса услышала в его словах не только страх за работу. Илья знал старую историю в подробностях, которых она ему не рассказывала.

— Кто объяснил тебе про запрет?

— Виктор Павлович. Зоя. Портовые. Я здесь четыре года, мам. Мы не только рыбу обсуждаем.

— И ты принял его версию?

— Я принял, что версий больше одной.

Лариса оставила чай недопитым. Илья завернул ей половину пирога, хотя она отказалась. В машине они говорили о печке в квартире и о том, где лежит запасной кран для батареи.

У учительского дома Илья достал пакеты из багажника.

— Я сам донесу.

— Я могу один.

— Знаю.

Они поднялись на третий этаж. Илья поставил продукты на кухонный стол, проверил окно и батарею. Перед уходом задержался в прихожей.

— Я рад, что ты приехала, — сказал он. — Даже если плохо это показываю.

— Я тоже рада быть ближе.

— Тогда будь ближе ко мне, а не к своему представлению обо мне.

Лариса кивнула. Она хотела попросить его о том же, но поняла, что это превратит просьбу в обмен.

Когда дверь закрылась, квартира снова наполнилась гулом цеха. Лариса разобрала покупки и нашла две пачки соли: одну в верхнем шкафу, вторую в пакете. Она поставила их рядом.

В половине десятого во дворе хлопнула дверь машины. Виктор возвращался домой. Он остановился под фонарём и посмотрел на окна учительского дома. Лариса не отошла от стекла. Между ними была дорога, забор и три этажа, но соседний свет делал расстояние обманчивым.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло от Нины Павловны: «Елена согласилась приехать завтра в 16:00. Сначала без Маши. Просит ничего дочери не говорить до встречи».

Лариса перечитала последнюю фразу. Потом ответила: «Обсудим утром. Обещать ей молчание за Машу не можем».

За окном Виктор погасил фонарь у ворот. Цех продолжал работать, и в верхних окнах двигались люди. Тридцать два рабочих места, сказал план. Не оправдание и не пустяк. Лариса впервые позволила двум вещам остаться в уме одновременно: письмо принадлежало Маше, а правда о прошлом могла войти в настоящее не через газетный заголовок, а через ночную смену её сына.

Глава 4. Конверт без адреса

Утром сейф не открывался.

Нина Павловна дважды повернула ключ, прижала дверцу плечом и посмотрела на Ларису так, будто виноват был не замок, а человек, заставивший их прийти сюда до первого звонка.

— Он с характером, — сказала директор. — Покойная Маргарита Семёновна умела с ним разговаривать. Я пока только ругаюсь.

Сейф стоял в маленькой комнате за кабинетом директора. Здесь хранились трудовые книжки, печати, запасные ключи и пачки грамот, на которых золотая рамка начиналась раньше, чем помещалось имя. За стеной гремела ведром уборщица. В коридоре дети стряхивали снег с ботинок, и школа медленно наполнялась голосами.

— Попробуйте чуть вернуть ключ назад, — сказала Лариса.

— Ты уже и сейфы умеешь открывать?

— Такой же был в городской школе. Если довернуть до конца, язычок упирается.

Нина Павловна вернула ключ на волосок. Замок щёлкнул. Внутри лежали папки, две коробки с печатями и серый пакет, который они заклеили вчера полосой бумаги. На полосе стояли четыре подписи: Нины Павловны, Ларисы, Вален-

тины Сергеевны и завхоза Олега Борисовича. Клей высох неровно, но бумага нигде не отошла.

— Зовём всех? — спросила директор.

— И Оксану Юрьевну. Если мы сегодня говорим с Еленой, она должна увидеть не пересказ, а порядок, в котором всё найдено.

— Елене не обязательно показывать сам конверт.

— Обязательно показать, что он существует и не вскрыт.

Отдать — другое.

Нина Павловна оставила дверцу открытой и набрала внутренний номер психолога. Лариса смотрела на серый пакет. До вчерашнего дня конверт Дениса существовал для неё только строчкой в описи и короткой памятью о том вечере, когда он принёс его в учительскую. Теперь между ними было четыре подписи, школьный сейф и двадцать лет.

Валентина Сергеевна пришла с рулеткой и прозрачной линейкой.

— Я ночью прочитала, как описывают частные архивы, — сообщила она. — Размер, материал, надписи, повреждения. Без догадок. Цвет лучше не называть белым, если он пожелтел.

— А рулетка зачем? — спросила Нина Павловна.

— Чтобы не писать «обычный конверт». Обычных предметов в описи не бывает.

Олег Борисович появился последним, в рабочей куртке, пахнущей машинным маслом. Он проверил свою подпись,

кивнул. Оксана Юрьевна села у края стола и положила рядом чистый лист.

Они вскрыли только внешний школьный пакет. Лариса разрежала его сверху канцелярским ножом. Изнутри достали прозрачный файл, в котором лежали три предмета: конверт, кассета в пластиковой коробке и сложенный вдвое лист из школьной тетради.

— Записку можно развернуть? — спросила Валентина Сергеевна.

— Её читали тогда, иначе условие не попало бы в опись, — сказала Лариса. — Но сейчас всё равно фиксируем отдельно.

Она надела тонкие хлопковые перчатки, которые Валентина Сергеевна нашла в музейном шкафу. Перчатки были велики, пальцы загибались пустыми белыми концами. Лариса взяла конверт за края.

Он был не белым и не серым, а цвета старой овсяной крупы. В правом верхнем углу темнел прямоугольник от снятой марки или ценника. Адреса не было. На лицевой стороне Денис написал синей ручкой: «Моему ребёнку. Отдать после шестнадцатилетия». Ни фамилии, ни имени.

Лариса узнала его почерк сразу. Он писал крупно, с сильным нажимом, и последняя буква в слове всегда будто уходила вниз по лестнице. В школьных тетрадях она обводила эти буквы красным и ставила стрелку к строке. Денис сердился: «Смысл же понятен, Лариса Андреевна». Она отве-

чала, что понятный смысл не освобождает от аккуратности.

Теперь его последняя буква в слове «шестнадцатилетия» почти касалась края конверта.

— Размер двадцать два на одиннадцать, — сказала Валентина Сергеевна. — Бумага плотная. Клапан заклеен. По шву повреждений нет.

— В левом нижнем углу пятно, — добавил Олег Борисович.

— Пятно коричневое, округлое, примерно сантиметр. Происхождение не устанавливаем.

Лариса перевернула конверт. Поперёк клапана Денис расписался трижды, так что каждая подпись переходила с клапана на основную бумагу. Между подписями он поставил даты. Одна и та же дата: двадцать девятое ноября, двадцать лет назад.

— Вот это уже защита, — тихо сказал Олег Борисович.

— Это признак того, что автор не хотел вскрытия без адресата, — поправила Валентина Сергеевна. — Не называем защитой, пока не знаем замысла.

— Да какой ещё может быть замысел у трёх подписей?

— Такой, который должен объяснить сам документ, а не мы.

Лариса положила конверт на чистый лист. У неё вспотели ладони под перчатками. Она помнила Дениса не таким предусмотрительным. Он забывал сменную обувь, оставлял шапку в столовой, однажды пришёл на сочинение без ручки

и полчаса доказывал, что чернила мешают свободе мысли. Три подписи были работой испуганного взрослого, хотя ему тогда едва исполнилось девятнадцать.

Кассета лежала в прозрачной коробке с трещиной возле петли. На наклейке было написано: «29.11. Вечер. Полностью». На обороте — «Не стирать».

— Обычная девяностоминутная, — сказал Олег Борисович. — Такие у всех были.

— Корпус без следов вскрытия? — спросила Нина Павловна.

— У кассеты нет пломбы. Винты целые, но это ничего не доказывает. Плёнку могли записывать сколько угодно раз.

Лариса посмотрела на него.

— Откуда знаете?

— Я половину молодости музыку с радио писал. И склеивал плёнку лаком для ногтей, когда магнитофон жевал. Не смотрите так, я её включать не предлагаю.

Они записали марку кассеты, длительность и надписи. Потом Лариса развернула тетрадный лист.

Текст занимал одну сторону. Он был написан её рукой.

«Денис Седов передал мне запечатанный конверт и кассету 30 ноября. Просил хранить не дома. Передать его ребёнку, если ребёнок родится, после того, как ему исполнится шестнадцать. Если ребёнка не будет — вернуть Денису. Если Денис не сможет забрать — передать Елене лично, но только после её сорокалетия. Не вскрывать. Л. Белова».

Ниже стояла дата. И ещё одна строка, дописанная другим цветом: «Елена беременна. Денис знает. Срок — июль».

Лариса почувствовала, как в комнате стало тесно.

— Этого не было в машинописной описи, — сказала Нина Павловна.

— Там было только: передать ребёнку после шестнадцатилетия, — ответила Валентина Сергеевна. — И запасное условие про Елену.

— Запасное условие уже не действует, — сказала Лариса. — Ребёнок родился.

Свою фразу о беременности она помнила хуже, чем основной текст. Наверное, добавила её через неделю или две, когда Денис сказал, что Елена была у врача. Тогда слово «ребёнок» перестало быть условием и стало человеком, которого ещё никто не называл Машей.

Оксана Юрьевна попросила лист и прочитала молча.

— Здесь нет указания передать в день рождения, — сказала Нина Павловна. — Написано «после».

— После означает, что раньше нельзя, — ответила Лариса. — Не означает, что можно когда угодно.

— Я не спорю. Просто нам сейчас важно не назвать опоздание нарушением точной даты, которой нет.

Валентина Сергеевна перелистала школьный календарь на телефоне.

— Маша родилась двадцать второго октября. Шестнадцать ей исполнилось три недели назад.

Лариса и сама знала число. В электронном журнале рядом с именами учеников стояли даты рождения, чтобы классные руководители не забывали поздравлять. Но только сейчас три недели обрели вес. Не двадцать лет, за которые она ничего не могла сделать, потому что не знала, где лежит конверт. Двадцать один день, в течение которых адресат уже имел право получить письмо, а школа и Лариса ещё нет.

— Значит, мы опоздали, — сказала она.

— Ты не знала, что письмо здесь, — возразила Нина Павловна.

— Школа знала. В описи стоял год рождения.

— Опись лежала в закрытом столе. Маргарита Семёновна болела последние два года. Я не видела этот лист до твоего приезда.

— Это объясняет опоздание. Не отменяет его.

Олег Борисович переступил с ноги на ногу.

— Может, не надо при матери начинать с того, что школа виновата? Сначала отдадим, потом разберёмся.

— Мы не можем просто отдать матери, — сказала Лариса.

— Я говорю не про мать. Вообще отдать.

— И не можем вручить Маше между уроками, как грамоту. Она должна знать, что может не вскрывать сразу, может выбрать взрослого рядом, может забрать предметы или оставить на хранение.

— А если мать запретит? — спросила Нина Павловна.

Оксана Юрьевна сложила записку по старому сгибу.

— Мать может запретить нам устраивать разговор с несовершеннолетней без её ведома. Но письмо адресовано Маше не школой и не Ларисой Андреевной. Мы не решаем семейный спор, мы сообщаем о находке. Сегодня выслушаем Елену и предложим безопасный порядок. Если она потребует скрыть находку до восемнадцати лет, понадобится не давление, а консультация юриста по владению вещами. Сейчас не надо заранее придумывать войну.

— А конверт до этого останется в сейфе? — спросила Валентина Сергеевна.

— В новом пакете, с новой описью и подписями, — сказала Нина Павловна.

Лариса ещё раз посмотрела на лицевую сторону. «Моему ребёнку». Денис не мог написать имя, которого не знал. Поэтому конверт казался безадресным, хотя адрес был точнее любого дома: человек, который родится и доживёт до возраста, когда сможет вынести не только любовь отца, но и его страх.

— В акте надо указать, как мы установили адресата, — сказала она. — Иначе через год кто-нибудь скажет, что имя мы придумали.

Они добавили цепочку: Денис Седов; подтверждённая беременность Елены в записке; свидетельство о рождении Маши в её личном деле; отец указан Денис Сергеевич Седов; дата рождения двадцать второе октября. Копировать свидетельство не стали. Нина Павловна записала номер документа

и основание доступа.

Первый звонок прозвенел, когда они заклеивали новый пакет. Лариса опоздала на урок на четыре минуты. Десятый класс встретил её непривычной тишиной.

Маша сидела у окна. На парте лежала раскрытая тетрадь, рядом — телефон экраном вниз. Она подняла глаза на Ларису и сразу посмотрела на белые нитки, прилипшие к рукаву после музейных перчаток.

— Извините за задержку, — сказала Лариса. — Начинаем.

По плану они должны были разбирать способы передачи чужой речи. Лариса написала на доске три предложения: прямая речь, косвенная и пересказ без указания источника. Рука двигалась уверенно, но слова казались нарочно выбранными кем-то другим.

— В чём разница между вторым и третьим? — спросила она.

Игорь Корнеев ответил первым:

— Во втором понятно, кто сказал.

— Этого достаточно?

— Нет, — сказала Маша. — Ещё понятно, что человек сказал не обязательно именно так. За него уже выбрали слова.

Лариса положила мел.

— Верно. Косвенная речь сохраняет смысл, но форму выбирает тот, кто пересказывает. Поэтому он отвечает за точ-

ность.

— А если он выбрал не все слова? — спросила Маша.

— Тогда отвечает и за то, что убрал.

Маша не отвела взгляд. Лариса не знала, говорит ли она об их вчерашнем разговоре или только выполняет задание. Хотелось сказать: сегодня, после уроков, взрослые будут обсуждать письмо твоего отца. Хотелось положить предел собственному молчанию прямо сейчас. Но это означало бы сообщить новость при двадцати трёх одноклассниках и отнять у Маши возможность не показывать им лицо в первую минуту.

Лариса продолжила урок.

После звонка Маша задержалась, будто переписывала последнее предложение. Остальные вышли. Игорь стоял в дверях, но Маша сказала ему:

— Иди, я догоню.

Он пожал плечами и исчез в коридоре.

— Вы нашли то, про что вчера не договорили? — спросила Маша.

— Да.

— Это про моего отца?

Лариса слышала топот на лестнице, свисток дежурного учителя, скрип двери соседнего кабинета. Пустой класс не был закрытым местом.

— Это частный материал, оставленный твоим отцом для тебя. Он не вскрыт. Сегодня в четыре мы встречаемся с тво-

ей мамой, чтобы договориться, как сообщить тебе всё спокойно и передать так, как ты выберешь.

Маша медленно закрыла тетрадь.

— То есть вы уже сообщили.

— Только то, что материал существует и предназначен тебе.

— Мама просила вам не говорить?

— Она просила сначала поговорить с ней. Я не обещала скрывать от тебя твою вещь. Но я согласилась не устраивать передачу без разговора.

— Что это за материал?

Лариса заставила себя не добавлять объяснений, которые облегчили бы прежде всего её собственную тревогу.

— Запечатанный конверт и аудиокассета. На конверте написано: «Моему ребёнку. Отдать после шестнадцатилетия». Есть моя старая записка о том, как Денис просил это хранить.

— Вы знали?

— Я знала двадцать лет назад. Потом считала, что конверт потерян вместе с частью школьного архива. Нашла его позавчера.

— А день рождения у меня был три недели назад.

— Да. Мы опоздали на три недели.

Маша провела пальцем по краю тетради.

— «После шестнадцатилетия» — это хоть через десять лет.

— Так сказала директор. Формально точного дня нет. Но я понимаю условие так: не раньше шестнадцати и без лишней задержки.

— Почему папа не отдал маме?

— Я не знаю. Есть условие на случай, если ребёнка не будет, но ребёнок был. Догадываться вместо него я не хочу.

— Там про аварию?

— Я не вскрывала конверт и не слушала кассету.

— Но вы думаете, что да.

— Думаю. Это не факт о содержании.

Маша встала. Она не выглядела испуганной. Только движения стали слишком точными: положила телефон в карман, выровняла тетрадь, застегнула сумку.

— Я сегодня не приду в четыре, — сказала она.

— Мы и не назначали тебе встречу без согласия.

— Мама скажет, что мне не надо это брать.

— Я выслушаю её. Но решение о том, вскрывать ли письмо, не буду принимать вместо тебя.

— А отдать можете?

Лариса не ответила сразу.

— Физически — да. Правильно ли отдать сейчас, до разговора с твоей мамой и без человека, которого ты захочешь видеть рядом, — не уверена. Я хочу предложить тебе выбор места, времени и присутствующих. И возможность вообще не открывать письмо сразу.

— Оно двадцать лет лежало в шкафу. Вы правда думаете,

что ещё один день что-то испортит?

— Не письмо. Но ещё один день, о котором договорились с тобой, отличается от дня, который у тебя забрали.

Маша посмотрела на дверь.

— Тогда договоримся так. Сегодня вы разговариваете с мамой. Ничего ей не отдаёте. Завтра говорите мне, что решили взрослые. А потом я решу, что делать с их решением.

Лариса почувствовала почти облегчение и тут же устыдилась его. Маша не обязана была проявлять рассудительность, чтобы взрослым стало проще.

— Хорошо. Я запишу именно так.

— И Виктору Корнееву не говорите.

— Не скажу.

— И Илье тоже.

Лариса выдержала её взгляд.

— Илья знает, что в школьном архиве найден частный материал, возможно связанный с аварией. Он догадался по моему поведению и разговорам о проекте. О конверте, кассете и условии передачи я ему не говорила.

Маша нахмурилась.

— А он скажет Виктору?

— Я просила не говорить о том, чего он не знает. За его решения отвечать не могу.

— Все тут говорят, что не могут отвечать за чужие решения. А потом всё равно решают за чужих.

Она вышла прежде, чем Лариса нашла ответ.

На большой перемене Лариса записала разговор от руки и отнесла лист Оксане Юрьевне. Психолог прочитала, подчеркнула слова Маши о завтрашнем решении и сказала:

— Хорошо, что вы сообщили наедине. Плохо, что наедине получилось случайно, в конце урока.

— Я должна была снова уклониться от прямого вопроса?

— Нет. Я просто называю цену спешки. Теперь не будем делать вид, что вечерняя встреча — первая.

— Елена решит, что мы обошли её.

— Отчасти так и есть. Но Маше шестнадцать, она спросила прямо о вещи, адресованной ей. Здесь нет решения без потерь.

К четырём стемнело. В кабинете директора включили настольную лампу, потому что верхний свет делал лица серыми. Серый пакет лежал в сейфе. На столе стояли вода, три стакана и новый акт. Оксана Юрьевна села сбоку, Лариса — напротив двери.

Елена вошла без стука. Она была ниже дочери, в короткой синей куртке и резиновых сапогах, испачканных у причала. Сняла шапку, не снимая куртки.

— Где оно? — спросила она.

Нина Павловна указала на сейф.

— В опечатанном пакете. Мы сегодня составили подробное описание. Конверт не вскрывали, кассету не прослушивали.

— Отдайте мне.

Лариса увидела, как директор сложила руки на папке.

— Елена, материал оставлен Маше после шестнадцатилетия. Мы позвали вас, чтобы согласовать передачу с учётом её возраста и состояния.

— Её состояние было нормальным, пока вы не вернулись.

Елена посмотрела на Ларису. В её лице сохранилось что-то от девушки, которая двадцать лет назад ждала Дениса после смены у школьного крыльца: прямые брови, привычка чуть поднимать подбородок перед неприятным ответом.

— Ты уже сказала ей, — произнесла она.

— Она спросила прямо. Я сказала, что есть запечатанный конверт и кассета для неё. Содержания я не знаю.

— Я просила дождаться встречи.

— Вы просили не говорить. Я не обещала.

— Удобно.

Оксана Юрьевна поставила перед Еленой стакан, но та не притронулась.

— Маша попросила сегодня ничего вам не отдавать, — сказала психолог. — Завтра она хочет узнать, о чём договорились взрослые, а затем выбрать сама.

Елена резко повернулась к ней.

— Вы успели и договор составить?

— Это её слова, записанные сразу после разговора.

— Ей шестнадцать. Она не знает, что Денис мог наговорить на плёнку.

— Мы тоже не знаем, — сказала Лариса.

— А я знаю Дениса. Лучше тебя. Он в последние недели спал по три часа, бегал по посёлку, всех обвинял, а потом снова соглашался выйти в море. Он мог оставить что угодно.

— Поэтому письмо должно получить человек, которому оно оставлено.

— Поэтому мать должна сначала убедиться, что оно не сломает ребёнка.

— Если вы вскрыете его вместо Маши, вы уже измените то, что Денис ей оставил.

— А если там грязь про меня? Если он решил объяснить нерождённому ребёнку, что мать виновата в его смерти? Ты ей это вручишь и скажешь: выбирай сама?

Лариса не ожидала этого страха. Ей казалось, Елена будет защищать память Дениса или требовать письмо как вдова. Но перед ней сидела женщина, двадцать лет не знавшая, какие последние слова написал человек, который погиб до рождения дочери.

— Нет, — сказала Лариса. — Я не просто вручу и уйду. Но и прочесть за неё не могу.

— Можешь. Не хочешь отвечать.

— Я слишком долго отвечала обещанием, о котором никто не знал. Теперь отвечаю ещё и перед Машей.

Нина Павловна открыла папку.

— Предлагаю порядок. До завтра пакет остаётся в сейфе. Завтра Оксана Юрьевна отдельно разговаривает с Машей и выясняет, кого она хочет видеть при передаче. Вы присут-

ствуете, если Маша согласна. Конверт и кассету передаём ей по акту. Если она решит открыть письмо здесь, предоставим комнату. Если решит забрать закрытым — зафиксируем это. Кассету можно оставить у нас до выбора безопасного способа сделать копию, чтобы не повредить старую плёнку.

— А если я не согласна? — спросила Елена.

— Тогда не будем самовольно отдавать спорную вещь и обратимся за консультацией в район. Но скрывать существование письма от адресата уже невозможно и, на мой взгляд, неправильно.

Елена встала и подошла к сейфу. Нина Павловна не преградила дорогу, только закрыла дверцу и вынула ключ.

— Покажите хотя бы надпись.

— Можем показать фотографию из акта, — сказала Валентина Сергеевна, которая до этого молчала у книжного шкафа. — Пакет второй раз сегодня вскрывать не будем.

Она повернула экран ноутбука. На снимке лежал конверт, рядом линейка. Почерк Дениса был виден чётко.

Елена наклонилась. Несколько секунд она ничего не говорила.

— Это он, — сказала наконец. — У него «р» всегда как крючок.

Лариса посмотрела на слово «ребёнку». Крючок действительно был слишком длинным. За двадцать лет она помнила падающие последние буквы, Елена — одну согласную. Вместе они могли бы восстановить почерк целиком и всё равно

не знали бы ни одного слова внүтри.

— Он знал, что будет дочь? — спросила Елена.

— Нет. На конверте только «ребёнку». В моей записке указано, что ты беременна и срок в июле.

— Маша родилась раньше.

— Я знаю.

Елена выпрямилась.

— Завтра я приду. Если она захочет меня видеть.

— Мы ей так и передадим, — сказала Оксана Юрьевна.

— А Виктор знает?

Лариса ответила прежде директора:

— Нет.

— Пусть не знает. Пока Маша не решит.

— Она попросила о том же.

Елена надела шапку.

— Конечно попросила. Хоть что-то от меня у неё есть.

У двери она обернулась к Ларисе.

— Ты ведь могла забрать это с собой тогда.

— Денис просил не хранить дома. Боялся, что найдут.

— Кто?

— Он не сказал прямо. Или я не записала.

— Ты всегда записывала только то, что считала главным.

Дверь закрылась. В кабинете остался запах мокрой резины.

Нина Павловна убрала ключ в карман.

— На сегодня хватит.

— Надо добавить в акт слова Елены о почерке, — сказала Валентина Сергеевна.

— Завтра. Сейчас мы начнём описывать, кто как дышал. Лариса вышла последней. В коридоре горели только дежурные лампы. На стенде юбилейного проекта висел чистый лист с заголовком «Кто имеет право рассказывать историю посёлка?». Днём дети должны были приклеить под ним ответы, но не успели.

На улице начинался снег. Лариса дошла до учительского дома, не встретив никого. Уже у подъезда телефон коротко завибрировал.

Илья написал: «Ты дома? Виктор спрашивал, почему в школе сегодня собирались после уроков. Я сказал, родительский разговор».

Лариса прочитала сообщение дважды. Потом ответила: «Спасибо. Это действительно частный разговор. Пока никому больше не говори».

Он прислал одно слово: «Понял».

В квартире она достала из сумки копию акта. На первой странице значилось: «Конверт без адреса». Валентина Сергеевна так назвала предмет, потому что на нём не было имени и места доставки.

Лариса зачеркнула эти слова карандашом и написала на полях: «Конверт с установленным адресатом».

Она не стала исправлять официальный экземпляр. Для этого требовались подписи всех участников. Но для себя раз-

ницу обозначила. Адрес существовал. Он сидел утром у окна, задавал прямые вопросы и уже назначил взрослым срок до завтра.

Глава 5. Урок о свидетеле

Утром Маша не пришла за ответом.

Лариса увидела пустое место у окна на первом уроке и подумала, что Елена оставила дочь дома. В электронном журнале уважительной причины не было. Классный руководитель, проходя мимо кабинета, сказала, что Маша отметилась на физкультуре и попросила отпустить её в библиотеку готовить материал для проекта.

— Она знает, что проект сегодня у тебя? — спросила Лариса.

— Знает. Наверное, решила прийти сразу ко второму часу.

Маша появилась за минуту до звонка, положила на стол три библиотечные подшивки и села не у окна, а на последнюю парту. Игорь Корнеев потянулся было к ней, но она указала ему на прежнее место. Он пожал плечами и пересел один.

По плану урок должен был стать первым рабочим занятием по краеведческому проекту. Валентина Сергеевна принесла копии газетных страниц, фотографии причала и списки тем. На доске Лариса заранее написала: «Событие. Свидетель. Рассказчик». Под каждым словом оставила свободное место.

— Сегодня мы не собираем красивую историю посёлка, —

начала она. — Мы учимся понимать, откуда взялось утверждение. Одно и то же предложение может быть воспоминанием участника, записью очевидца, выводом журналиста или фразой, которую повторяли так долго, что забыли спросить об источнике.

— А если всё правда? — спросил Вадим Лобанов.

— Тогда источник не повредит. Правда не становится слабее от проверки.

Валентина Сергеевна раздала задания. Каждой группе досталась газетная заметка разных лет. Нужно было подчеркнуть факты одной чертой, мнения двумя, а рядом написать, кто мог подтвердить каждое сообщение.

Машина группа получила вырезку о зимней аварии. Лариса поняла это, когда увидела чёрно-белую фотографию трёх мужчин у перевернутой лодки. Снимок был сделан летом, задолго до гибели, но редакция много лет печатала его как иллюстрацию к ноябрьскому шторму.

— Можно поменять? — спросила Лариса у Валентины Сергеевны.

Та посмотрела на фамилии под фотографией, потом на Машу.

— Я раскладывала случайно.

Маша услышала.

— Не надо менять. Это материал про посёлок.

Она придвинула вырезку к себе. В группе с ней сидели Вадим и тихая Катя Миронова. Вадим прочитал заголовок

вслух: «Море не прощает беспечности».

— Мнение, — сразу сказала Маша.

— Почему? — спросил он. — Если они вышли в шторм, значит, беспечно.

— Факт — что вышли. Беспечно или нет — оценка.

— Какая разница, если утонули?

Катя толкнула его локтем.

— Не говори так.

— А что я сказал? Там написано.

Лариса подошла к группе, но Маша уже водила карандашом по тексту.

— «Несмотря на предупреждения старших товарищей, молодые рыбаки решили испытать удачу». Кто эти товарищи? И откуда журналист знает, что они решили?

— Тут дальше Виктор Павлович говорит, что уговаривал их остаться, — сказал Вадим.

— Он участник.

— Свидетель.

— Он не был в лодке.

Вадим посмотрел на Ларису, ожидая решения.

— Участник событий не обязательно видел всё, — сказала она. — Свидетель сообщает то, что наблюдал сам. Если человек пересказывает чужие слова или объясняет чужое решение, эту часть надо проверять отдельно.

— Значит, Виктор Павлович врёт? — спросил Вадим.

— Значит, его слова имеют границы. Как и слова любого

человека.

Маша подняла голову.

— А если других слов не напечатали, он становится единственным свидетелем?

— В газете — единственным приведённым источником. В самом событии могли быть другие.

— Их уже нет.

Лариса увидела, как Катя положила ладонь на край Машинной тетради и тут же убрала. Вадим перестал спорить.

— Тогда особенно важно не добавлять погибшим мыслей, которых они не могли подтвердить, — сказала Лариса.

Группы работали ещё пятнадцать минут. На доске появились вопросы: где хранился старый колокол, кто первым открыл зимнюю переправу, почему улицу называли Печной, сколько семей действительно переехало после закрытия совхоза. Дети быстро поняли, что слово «всегда» почти нигде нельзя оставить без оговорки.

Когда пришло время представить результаты, Маша вышла к доске одна. Вадим нёс подшивку, Катя — лист с пометками, но говорила Маша.

— Заметка вышла через неделю после аварии. В ней три факта, которые можно проверить: лодки вышли двадцать девятого ноября, погибли три человека, ночью был сильный ветер. Остальное — оценки и чужие объяснения. Заголовок обвиняет рыбаков в беспечности. В тексте сказано, что они хотели заработать больше на срочном заказе и не послушали

Виктора Корнеева. Источник только один — Виктор Корнеев. Подписано, что мой отец Денис Седов был самым молодым и уговорил остальных выйти.

Она остановилась.

— Что нужно проверить? — спросила Валентина Сергеевна мягко.

— Было ли предупреждение официальным. Кто принимал заказ. Кто назначал лодки. Был ли Виктор начальником или просто работал на берегу. Есть ли журнал выхода. И говорил ли кто-нибудь, что папа уговаривал остальных, кроме Виктора.

— Хороший список, — сказала Лариса.

— А если ничего не сохранилось?

— Тогда мы честно пишем, что утверждение основано на одном опубликованном свидетельстве.

— И оставляем его главным?

— Не главным. Единственным найденным на данный момент.

Маша взяла мел и под словом «Рассказчик» написала: «Выбирает, кому дать голос».

— Это правильно? — спросила она.

— Да.

— Тогда газета выбрала Виктора. А папу выбрала виноватым.

В классе стало так тихо, что с улицы донёсся гудок машины у магазина. Лариса знала, чего ждут дети. Не признания

о конверте — о нём большинство не знало. Они ждали, скажет ли учительница, что написанное в старой газете несправедливо.

— Газета выбрала одну версию, — произнесла она. — По этому тексту мы не можем доказать, что она ложная. Мы можем только увидеть, что она недостаточно подтверждена.

Маша положила мел.

— Понятно.

Это «понятно» прозвучало тише любого возражения. Лариса почувствовала, что снова сделала ровно то, что умела лучше всего: поставила верное ограничение и спряталась за ним от нужного человеку ответа.

После урока дети толпой вышли в коридор. Игорь задержался у доски, переписал Машину фразу в телефон и спросил:

— Это для стенда можно?

— Сначала спроси у Маши, — сказала Лариса.

— Фраза же не её. Это вообще про рассказчика.

— Написала её она. И контекст её работы касается семьи.

Игорь недовольно сунул телефон в карман.

— Если всё у всех спрашивать, никакого стенда не будет.

— Возможно, будет меньше стенда и больше точности.

— Виктор Павлович фотографии уже отдал. Там нормальная история, как цех после аварии подняли. А мы опять про виноватых.

— Мы про источники.

— Маша не про источники.

Он вышел, и Лариса осталась перед доской. «Выбирает, кому дать голос». Ниже кто-то мелко приписал: «А кому не дать?»

В учительской Валентина Сергеевна наливала чай из термоса.

— Я виновата с этой вырезкой, — сказала она. — Надо было убрать её из пачки.

— Нет. Мы всё равно дошли бы до аварии.

— Но не при всём классе и не сразу после находки.

Лариса рассказала о вчерашнем разговоре с Машей и Еленой. Валентина Сергеевна слушала, держа чашку обеими руками.

— Значит, она уже знала про письмо, когда читала заметку.

— Да.

— А ты знала, что она знает. И всё равно дала газете остаться единственной версией.

— Я не могу на уроке намекать, что у нас есть другой источник, пока Маша его не получила.

— Не можешь. Но могла сказать, что назвать погибшего беспечным на основании слов заинтересованного человека — редакционная ошибка.

— Я сказала, что версия недостаточно подтверждена.

— Детям это прозвучало как «может, всё так и было».

Лариса вымыла чашку, хотя не пила из неё.

— А разве мы знаем, что было не так?

— Нет. И Маша не просила объявлять отца невиновным. Она спросила, имела ли газета право выбрать виноватого без проверки.

Валентина Сергеевна закрыла термос.

— Мы всё время боимся сказать лишнее и почему-то не боимся повторить старое лишнее слово.

До встречи с Машей оставалось два часа. Оксана Юрьевна предложила провести её не в кабинете директора, а в комнате психолога. Там стояли два кресла, круглый стол и полка с настольными играми. Елена пришла раньше и села возле двери. Она принесла Машину синюю шапку.

— Ушла без неё, — объяснила она. — Вечно считает, что капюшона хватит.

Лариса положила на стол распечатанный порядок передачи. Елена не стала читать.

Маша вошла ровно в три. Увидела мать, посмотрела на шапку, но села в другое кресло.

— Мне сказали, что я выбираю, кто будет рядом, — произнесла она.

— Да, — ответила Оксана Юрьевна. — Мы можем попросить любого из присутствующих выйти. Можем позвать другого взрослого, которому ты доверяешь. Можем сегодня только объяснить порядок и ничего не передавать.

— Пусть мама останется. Лариса Андреевна тоже.

Нина Павловна показала опись и фотографию конверта.

Рассказала, где его нашли, кто присутствовал при осмотре, почему кассету не следует сразу ставить в старый магнитофон. Маша читала каждую страницу до конца.

— Почему здесь написано «конверт без адреса»? — спросила она.

— Рабочее название предмета, — сказала Валентина Сергеевна. — Потому что нет имени и почтового адреса. Лариса Андреевна предложила исправить на «конверт с установленным адресатом». Мы внесём исправление при следующем вскрытии пакета.

— Адресат — я?

— Да.

— Тогда исправьте.

Нина Павловна сделала отметку.

— Теперь о вариантах. Ты можешь принять конверт и кассету по акту. Можешь оставить оба предмета в сейфе на время. Можешь получить конверт, а кассету оставить для копирования у специалиста. Вскрывать письмо сегодня не обязательно.

— А мама может сначала прочитать?

Елена опустила глаза.

— Только если ты сама попросишь, — сказала Лариса.

— Вчера она просила отдать ей.

— Просила, — ответила Елена. — Потому что я не знаю, что там. И боюсь.

— За меня?

— И за себя. Не буду врать.

Маша перевернула фотографию конверта лицом вниз.

— Я хочу забрать письмо. Не открывать здесь. Кассету оставить, пока с неё не сделают копию. Оригинал потом тоже забрать.

— Хорошо, — сказала Нина Павловна. — Для копирования нужен специалист. Мы составим отдельное разрешение и не будем прослушивать запись без тебя.

— Копию тоже никто не слушает?

— Техническая проверка может потребовать убедиться, что звук записался, — сказал Олег Борисович. — Но можно проверять короткий участок в твоём присутствии или найти человека, который даст письменное обязательство не распространять содержание.

— Я сама решу после письма.

Нина Павловна достала ключ. За пакетом пошли она, Валентина Сергеевна и Олег Борисович. Комната стала слишком тихой.

Елена протянула дочери шапку.

— Надень потом.

— Положи сюда.

— Маш, я не собираюсь вырывать у тебя конверт.

— А если там про тебя?

Елена посмотрела на Ларису, словно этот вопрос та принесла вместе с архивом.

— Тогда прочитаешь про меня. И спросишь меня. Только

помни: твоему отцу было девятнадцать, он был злой и напуганный. Последняя записка человека — не вся правда о нём и не вся правда о других.

— Но газета — вся правда?

— Какая газета?

Маша рассказала про урок. Говорила спокойно, но, повторяя заголовок «Море не прощает беспечности», смяла край распечатки.

— Это Виктор дал тогда журналисту, — сказала Елена. — Он и фотографию выбрал.

— Ты знала?

— Конечно. Я ходила в редакцию. Требовала снять фразу, что Денис уговорил остальных. Мне сказали: номер уже вышел, а опровержение возможно, если есть другой свидетель.

— Почему ты мне не рассказывала?

— Потому что всю твою жизнь люди либо называли отца безответственным мальчишкой, либо делали из него мученика. Я хотела, чтобы у тебя был просто отец, которого ты не помнишь.

— Просто отец тоже что-то сделал.

Елена кивнула.

— Да. Он вышел в море. Никто его туда на верёвке не тащил. Но кто предложил деньги, кто сказал, что предупреждение пустяковое, кто распределил лодки — об этом газета не написала.

Лариса вспомнила собственный ответ на уроке и почув-

ствовала стыд не потому, что сказала неправду, а потому, что точность послужила ей укрытием.

Нина Павловна вернулась с пакетом. Все проверили подписи, разрезали верхний край. Валентина Сергеевна внесла исправление в оба экземпляра акта. Маша расписалась на против слов «конверт получен запечатанным, внешних повреждений не обнаружено». Елена поставила подпись как законный представитель, отдельно приписав: «С передачей адресату согласна».

Лариса передала конверт Маше.

Он оказался больше её ладоней. Маша провела пальцем над надписью, не касаясь чернил.

— Он знал, что я буду? — спросила она.

— Знал, что Елена беременна, — ответила Лариса. — Не знал твоего имени и, думаю, не знал, дочь или сын.

— Почему шестнадцать?

— Он сказал, что раньше ребёнок поверит первому взрослому, который объяснит запись. А в шестнадцать хотя бы сможет спросить: откуда ты знаешь.

— Это вы помните или записали?

Вопрос был справедливым.

— Помню. В моей записке этой фразы нет. Поэтому считай её моим воспоминанием, а не условием Дениса.

Маша положила конверт между страницами толстой папки, которую принесла из библиотеки.

— Я не буду сегодня открывать.

— Хорошо, — сказала Елена.

— И дома не спрашивай.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Не спрашивай.

— Не буду.

Когда они встали, Маша задержалась у стола.

— Лариса Андреевна, вы на уроке сказали, что газета выбрала версию, но мы не можем доказать, что она ложная.

— Сказала.

— Вы знали, что у папы есть запись.

— Знала, что кассета существует. Не знаю, что на ней.

— Но не сказали даже, что существовал другой человек, который хотел что-то оставить.

— Это частная вещь. Я не имела права раскрывать её классу.

— Можно было сказать не про кассету. Можно было сказать, что нельзя называть погибшего беспечным, если он не может ответить, а у газеты один источник.

— Можно было.

Маша ждала продолжения. Лариса почувствовала знакомое желание объяснить: учитель обязан отделять факт от оценки, она не могла занимать сторону, ей нужно было защитить Машу от внимания класса. Все доводы были разумными и ни один не отвечал на вопрос.

— Я испугалась сказать больше, чем знаю, — произнесла она. — И повторила осторожность, из-за которой старая вер-

сия столько лет звучит как единственная. Это было неправильно.

— Вы всегда так будете?

— Не хочу обещать, что больше не ошибусь. Могу обещать исправить сегодняшний материал: мы отметим заголовок как недоказанную оценку и отдельно запишем, что версия о том, кто уговорил выйти, опирается на слова заинтересованного участника.

— Не называйте папу хорошим, если не знаете.

— Не буду.

— И героем тоже.

— Не буду.

Маша надела куртку. Елена протянула ей шапку, и на этот раз она взяла.

После их ухода Лариса вернулась в класс. Надписи на доске ещё не стёрли. Под фразой «Выбирает, кому дать голос» появился третий вопрос: «Кто отвечает за тишину?»

Лариса не знала, кто его написал. Она сфотографировала доску, потом взяла журнал проекта и внесла исправление к газетной вырезке. Заголовок — оценка. Утверждение о том, что Денис уговорил остальных, — пересказ Виктора Корнева, других подтверждений в публикации нет. Связь Виктора с заказом и его должность на момент аварии требуют проверки.

Затем она дописала: «Отсутствие второго опубликованного голоса не подтверждает первый и не опровергает его».

В коридоре погас свет. Дежурная уборщица крикнула, что школа закрывается. Лариса собрала бумаги и вышла через боковую дверь.

На крыльце её ждала Маша. Елена стояла у калитки, от-
вернувшись к дороге.

— Я вспомнила ещё одно, — сказала Маша. — Не гово-
рите классу, что исправили из-за меня.

— Скажу, что мы уточнили разбор после урока.

— Игорь всё равно поймёт.

— Возможно.

— Он не плохой. Просто Виктор ему дядя.

— Родство не делает человека плохим свидетелем. Но мо-
жет влиять на то, что он замечает и чему верит.

— А то, что Денис мой отец, делает меня плохим свиде-
телем?

— Ты не была свидетелем аварии. Ты свидетель того, как
её история живёт сейчас.

Маша прижала папку с конвертом к груди.

— Тогда запишите: мне надоело, что его называют бес-
печным, как будто одного слова хватает на всю жизнь.

— Это пойдёт в проект только с твоего разрешения.

— Пока не пойдёт. Просто запомните.

Она спустилась к матери. Они пошли рядом, не касаясь
друг друга. У поворота Елена сказала что-то, Маша ответи-
ла, и синяя шапка мелькнула в свете фонаря.

Лариса осталась на крыльце. Двадцать лет назад она ре-

шила, что молчание сохранит оставленное Денисом до нужного срока. Теперь срок наступил, конверт был передан, а молчание не закончилось. Оно только перестало быть пустотой и стало поступком, за который всякий раз приходилось отвечать.

Глава 6. Двадцать лет назад

Ночью ветер расшатал жестяной козырёк над крыльцом. Он поднимался, бился о стену и падал с таким звуком, будто кто-то через равные промежутки бросал на ступеньку пустое ведро. Лариса дважды вставала, подходила к окну и смотрела на тёмную улицу. В доме напротив горела одна лампа над воротами цеха. Снег шёл почти горизонтально, но у земли сразу превращался в воду.

Конверт уже был у Маши. Эту мысль Лариса повторяла всякий раз, когда ей хотелось представить, как девочка разрезает бумагу, где садится, кому показывает первую строку. Она не имела права достраивать эту сцену. Передача закончилась у школьного стола, когда Маша поставила подпись и спрятала письмо в папку. Всё остальное принадлежало не Ларисе.

Но память не признавала таких границ. Стоило ветру ударить в козырёк, и нынешняя комната исчезла. На её месте возник старый кабинет русского языка: две лампы под потолком, мокрые пальто на задней вешалке и ноябрьский вечер, когда Денис Седов пришёл к ней после уроков с кассетой в кармане.

Тогда Ларисе было двадцать семь. Илью она забирала из детского сада последним три дня подряд, и воспитательница уже не говорила, что ничего страшного. Просто помогала

ему надеть рейтузы и молча передавала матери пакет с влажными варешками. Муж Ларисы второй месяц работал в районе на ремонте котельной и приезжал только по воскресеньям. В школе готовились к проверке, в посёлке ждали раннего льда, а у Ларисы на столе лежали тридцать два сочинения о том, кем ученики хотят стать после выпуска.

Денис написал: «Хочу работать там, где за ошибку отвечают те, кто её сделал».

Красной ручкой Лариса подчеркнула неопределённое «там» и на полях поставила вопрос: «Где именно?» Теперь ей было стыдно не за замечание. Учитель обязан требовать ясности. Стыдно было за то, как легко она тогда решила, будто девятнадцатилетнему парню не хватает точного слова, а не места, где точные слова что-нибудь меняют.

Он окончил школу весной, но заходил к ней по привычке. В июне просил посмотреть заявление в мореходное училище, потом так и не отправил его: Елена сказала, что беременна, и Денис устроился в промысловую бригаду. В сентябре принёс заметку для районной газеты о сломанном сигнальном огне. В октябре попросил объяснить, можно ли считать подпись согласием, если человеку не показывают весь лист. Лариса ответила, что это вопрос к юристу, и дала адрес районной консультации. Он усмехнулся: до района два автобуса, второй ходит три раза в неделю, а консультация принимает по вторникам до четырёх.

В тот вечер Денис пришёл без стука. На нём была корот-

кая куртка, с которой стекала вода. Волосы прилипли ко лбу. Он закрыл дверь и сначала проверил, нет ли кого в лаборантской.

— Там только карты, — сказала Лариса. — Что случилось?

— Ничего пока.

Он говорил быстро и негромко. Так говорят не тогда, когда хотят скрыть страх, а когда боятся, что страх займёт всё время разговора.

— Можно у вас оставить одну вещь?

— Какую?

Денис вынул из внутреннего кармана обычную аудиокассету. Прозрачная коробка была треснута у петли и перетянута синей изолентой. На белой наклейке стояла дата: двадцать девятое ноября. Ни фамилии, ни пояснения.

Лариса посмотрела на часы. До закрытия детского сада оставалось двадцать пять минут.

— Это музыка?

— Разговор.

— Чей?

— Мой тоже.

— Ты записывал людей без их ведома?

— Магнитофон стоял в кладовке. Я его не прятал. Мы до этого заявки на него наговаривали, чтобы кладовщица утром перепечатала. Потом зашли Виктор и дядя Слава. Я нажал запись.

— Зачем?

— Потому что они потом скажут, что не говорили.

За окном школьного кабинета темнел пустой двор. Стадионные ворота качались от ветра, сетка на одном углу оторвалась и хлестала по штанге. Лариса взяла кассету, но Денис не разжал пальцы.

— Что именно они скажут?

— Что предупреждения не было. Или что мы сами решили.

— Кто такие «мы»?

Он назвал троих: себя, Сергея Громова и Николая Черепанова. Всех Лариса знала по школе. Сергей был старше Дениса на девять лет, Николай — на двенадцать. У обоих были дети.

— Решили что?

— Выйти утром. Если ветер ляжет.

— А он ляжет?

— По радио сказали, усилятся.

— Тогда вы не выйдете.

Денис посмотрел на неё почти с жалостью. Она запомнила этот взгляд лучше многих слов.

— Заказ надо закрыть до первого числа. Если не выйдем мы, Виктор найдёт других.

— Пусть ищет.

— Елена беременна. Мне за этот выход двойную смену запишут и премию. Нам печку перекладывать надо до мороза.

— Печка не стоит жизни.

— Я знаю.

— Если знаешь, не выходи.

— А Серый выйдет. У него долг за мотор. И дядя Коля выйдет. Тогда я останусь на берегу и буду знать, что мог быть третьим.

— Третий человек не делает море безопаснее.

— Нет. Но если мотор заглохнет, двое хуже трёх.

Разговор замкнулся. Лариса пыталась найти ту фразу, после которой он останется, как находила её для учеников у открытого окна, для мальчишек на льду, для Ильи, когда тот тянулся к горячей дверце печи. Но перед ней сидел взрослый мужчина, хотя ещё весной она исправляла его выпускное сочинение. Она не могла приказать ему. Могла только назвать решение опасным и предложить помощь, которая не отменяла денег, долга и двух других людей.

— Давай позвоним в портовую службу, — сказала она. — Сейчас, из учительской.

— Они знают.

— Откуда ты знаешь?

— На кассете есть.

Она снова потянула кассету к себе. Теперь Денис отпустил.

— Я должна её послушать.

— Нет.

— Ты приносишь мне запись, говоришь об опасном вы-

ходе и запрещаешь слушать?

— Если завтра вернусь, заберу её.

— А если не вернёшься?

Он отвернулся к окну.

Лариса потом много раз меняла в памяти порядок этих реплик. Иногда ей казалось, что первой произнесла страшное условие она. Иногда — что Денис сам начал говорить про ребёнка. В старой записке сохранился только итог, а не дорога к нему. Поэтому сейчас она могла честно утверждать лишь одно: они оба понимали, что кассета может понадобиться после его смерти.

— Елена не должна это слышать сейчас, — сказал он.

— Почему?

— Потому что она пойдёт к Виктору. Или к участковому. Будет скандал, а я всё равно выйду.

— Значит, ты хочешь, чтобы я помогла тебе скрыть опасность от Елены?

— Я хочу, чтобы запись не пропала.

— Это не одно и то же.

— Для вас — не одно. Для неё сегодня будет одно.

Лариса положила кассету на стол между стопкой сочинений и банкой с засохшими фиалками. Синяя изолента блестя под лампой.

— Я не буду хранить её как тайну, если людям угрожает опасность.

— Уже все знают про погоду.

— Я говорю не только о погоде.

Денис встал.

— Тогда отдайте.

Он протянул руку. Лариса накрыла кассету ладонью.

— Подожди. Если на записи есть сведения о нарушении, её нужно передать тем, кто может остановить выход.

— Кому? Виктору? Он там разговаривает. Начальнику участка? Он сегодня пил у Виктора в конторе. Участковому? Пока он доедет, мы уже вернёмся или не вернёмся.

— В район.

— Автобус утром. Вы же сами давали мне адрес юриста.

В его голосе не было насмешки. Он перечислял устройство их жизни, в котором любое правильное действие опаздывало на полдня.

Лариса взяла телефонную трубку. В учительской был городской аппарат с диском, номера порта и районной администрации висели на картонке. Она позвонила дежурному. Линия дважды оборвалась, на третий раз ответил мужчина, который представился только по фамилии. Лариса назвала себя, школу и сказала, что рыбаки собираются выходить утром несмотря на штормовое предупреждение.

— Какое хозяйство? — спросил дежурный.

Она посмотрела на Дениса.

Тот назвал старое предприятие.

— По ним сообщение передано, — ответил мужчина. — Решение капитана по фактической обстановке. Кто звонит,

повторите?

Лариса повторила.

— Вы член экипажа?

— Нет. Учительница.

— Тогда передайте рыбакам: сводка у диспетчера. Без команды портовой службы маломерные суда не выпускаются.

— А если выпустят?

— Женщина, я вам порядок объяснил.

В трубке раздались короткие гудки.

Денис надел мокрую куртку.

— Видите?

— Вижу, что предупреждение у диспетчера.

— И что решение будто бы капитана. У нас капитаном запишут дядю Колю. Он подпишет, если Виктор скажет, что порт не запретил.

— Не подписывайте.

— Я не капитан.

— Уговори Николая.

— Попробую.

— Не «попробую». Не выходите.

Он взялся за ручку двери, но не открыл.

— Если я оставлю это вам, вы сегодня никому не дадите слушать?

— Такого обещания я не дам.

— Тогда я утоплю кассету в печке.

Лариса хотела сказать, что это шантаж. Слово было точ-

ным и бесполезным. Денис действительно мог забрать запись и уничтожить её. Она могла позвонить Елене, Виктору, участковому, директору школы — всем сразу. Но кассета исчезла бы, а выход, возможно, всё равно состоялся.

— До утра она останется у меня, — сказала Лариса. — Если вы выйдете вопреки предупреждению, я сообщу обо всём, что ты рассказал. Даже без записи.

— Сообщайте.

— А кассету передам следствию, если будет происшествие.

Денис резко повернулся.

— Нет. Не сразу.

— Почему?

— Потому что там мой голос. Я тоже согласился. И ещё кое-что сказал.

— Что?

— Неважно.

— Для решения важно.

— Для вашего — да. Поэтому не слушайте.

Он вытащил из кармана сложенный вчетверо лист. Бумага была из школьной тетради, по краю тянулись дырочки от пружины.

— Это Елене?

— Ребёнку.

— Какому ребёнку?

— Нашему. Когда вырастет.

— Денис, так нельзя. Ты будто заранее устраиваешь себе похороны.

— Я заранее устраиваю, чтобы за меня потом не говорили одни другие.

Фраза остановила Ларису. Возможно, потому она и запомнила её так ясно. В ней не было желания стать героем. Был страх исчезнуть и остаться в чужом пересказе.

— Почему не Елене?

— Ей я напишу отдельно. Это не про любовь.

— А про что?

— Про то, что я сделал. И что сделали они.

— Ребёнку придётся жить с этим.

— Ему всё равно придётся жить с тем, что я сделал, если меня не будет. Только все объяснят по-своему.

— А ты объяснишь по-своему.

— Да. Пусть будет ещё один голос, не единственный.

Лариса села. До закрытия сада оставалось девять минут. Она представила Илью у окна, уже одетого, с пакетом мокрых варёжек. Потом представила Елену, которая ждёт Дениса и не знает, что он оставляет письмо нерождённому ребёнку у бывшей учительницы. Ни одна картина не подсказывала правильного решения.

— Когда передать?

— Не знаю.

— Это не условие.

— Когда сможет понять, что взрослые тоже врут от страха.

Не только от злости.

— В каком возрасте человек это понимает?

Денис пожал плечами.

— В шестнадцать я уже понимал.

— В шестнадцать ты считал, что учителя нарочно занижают тебе оценки.

— Некоторые занижали.

— Я не занижала.

— Вы поэтому и останетесь.

Он сказал это без торжественности, словно выбрал шкаф с надёжным замком. Лариса услышала в его доверии не честь, а тяжесть, которую не просила и всё же уже держала в руке.

Она достала из стола большой плотный конверт. Денис вложил туда лист, но не заклеил.

— Подпиши имя, — сказала Лариса.

— Я не знаю имени.

— Напиши: сыну или дочери.

— Тогда любой прочитает.

— А как поймут, кому передать?

— Вы поймёте.

— Я могу уехать. Могу заболеть. В школе может быть пожар. Нельзя оставлять единственный путь через мою память.

Денис задумался и на другом листе написал фамилии — свою и Елены, предполагаемый месяц рождения ребёнка и условие: передать после шестнадцатилетия. Лариса проверила формулировку, предложила добавить, что письмо и кас-

сета должны идти вместе. Он отказался.

— Кассету сначала пусть проверят. Если там ничего не слышно, письмо всё равно настоящее.

— Кто проверит?

— Не знаю. Тогда техника другая будет.

Он улыбнулся впервые за вечер. Лариса положила его служебную записку отдельно, а себе написала копию: дата, время, полученные предметы, слова Дениса о назначении. Именно эту копию нашли спустя двадцать лет. Тогда она казалась временной бумажкой на одну ночь.

— Теперь кассета, — сказала она.

Денис вынул её из коробки, карандашом подтянул плёнку и вернул обратно. На второй наклейке написал: «Вечер. Полностью». Потом обмотал коробку изолентой ещё раз и расписался поперёк синей полосы.

— Если ленту снимут, подпись порвётся.

— Можно приклеить новую.

— Можно. Но вы увидите.

— Я не специалист.

— Вы замечаете исправления.

Лариса заклеила большой конверт. На нём не было адреса, зато внутри лежал лист, делавший адресата определённым. Она поставила подпись на клапане и вдруг поняла, что совершает действие, которое может понадобиться только при худшем исходе.

— Мы сейчас идём к Виктору, — сказала она.

— Нет.

— Тогда к Елене.

— Я сам пойду домой.

— Я провожу.

— Вам Илью забирать.

Он помнил имя её сына. Это стало последним доводом не потому, что было сильнее остальных, а потому, что время кончилось. Лариса сунула конверт и кассету в металлический шкаф, заперла и побежала в детский сад. По дороге она зашла в диспетчерскую старого предприятия. Дверь была открыта, внутри пахло соляжкой и жареной рыбой. За столом сидел незнакомый сменщик.

— На утро выход назначен? — спросила она.

— Вам зачем?

— Передано штормовое предупреждение.

— Всем передано.

— Значит, лодки не выйдут?

— По обстановке решат.

На стене висел лист со сводкой. Верхний угол был загнут, синяя печать расплылась. Лариса успела увидеть время получения, но не содержание. Сменщик встал и заслонил бумагу.

— Это производственное помещение.

— Я сообщила в порт.

— Вот порт пусть с начальством и разговаривает.

На улице Лариса встретила Виктора. Ему было тридцать

пять, он ещё не владел цехом, но уже распоряжался людьми увереннее директора предприятия. В руке он держал связку ключей и свёрнутую газету.

— Лариса Андреевна, вы кого ищете?

— Вас. Денис сказал, что утром людей отправляют в море.

Лицо Виктора не изменилось.

— Если погода позволит.

— Предупреждение уже пришло.

— Предупреждение — не запрет.

— Он сказал, что заказ срочный и вы обещали двойную оплату.

— Рабочие разговоры Денису лучше не носить в школу.

— Лучше не давать ему причин.

Виктор посмотрел через её плечо на дверь диспетчерской.

— Он совершеннолетний. Никто его не заставляет.

— Вы знаете, что остальные выйдут, и он не захочет оставить их вдвоём.

— Значит, вы плохо его учили самостоятельности.

Лариса ударила бы его, если бы он повысил голос или усмехнулся. Но Виктор говорил спокойно, и от этого каждое слово казалось заранее приготовленным для будущего объяснения.

— Отмените выход.

— Я его не назначаю.

— Тогда кто назначает?

— Капитан решает, диспетчер оформляет. Я отвечаю за

приём рыбы.

— И за заказ?

— Заказ нужен предприятию.

— Не прячьтесь за словами.

— А вы не командуйте там, где не работаете.

Он прошёл мимо. В ту ночь Лариса решила, что именно этот разговор доказывает его вину. Спустя годы она понимала: он доказывал лишь то, что Виктор знал о предупреждении, хотел получить рыбу и заранее отделял себя от решения о выходе. Остальное требовало документов, свидетелей, самой записи. Память не становилась протоколом только потому, что причиняла боль.

Утром лодки ушли до рассвета.

Лариса узнала об этом от Елены. Та прибежала в школу без шапки, в домашних сапогах, спросила, не заходил ли Денис. Лариса солгала, что видела его мельком и ничего важного они не обсуждали. Потом позвонила в портовую службу, участковому и на предприятие. Везде уже знали: связь с одной лодкой пропала, вторая передала, что возвращается с повреждённым бортом. К вечеру нашли обломок. Через два дня — пустой спасательный круг. Тел не нашли.

Кассету Лариса не отдала в первые часы. Она сказала следователю о разговоре с Денисом, о предупреждении, о встрече с Виктором и о запечатанном материале. Следователь записал не всё. Про кассету переспросил, затем велел принести её утром. Ночью Лариса пришла в школу и обнаружила,

что дверь её кабинета открывали: на замке были свежие царапины, стопка сочинений сдвинута, один ящик не закрыт.

Металлический шкаф остался цел. Но до утра Лариса перенесла конверт и кассету в коробку покойной директрисы, составила опись и попросила её расписаться в приёме закрытого пакета. Она сказала, что внутри частное письмо семье погибшего и возможная запись производственного разговора. Директриса спросила, передано ли следствию. Лариса ответила, что сообщила о существовании записи и принесёт её после того, как получит расписку о копировании и возврате оригинала.

Утром следователь уже не требовал кассету. Сказал, что портовые документы получены, а слухи о бытовых разговорах делу не помогут. Лариса настояла на письменной отметке, что сообщала о ней. Ей выдали лист без номера, с неразборчивой подписью. Позже она не нашла его ни в школьной папке, ни среди домашних бумаг.

Она должна была добиваться большего. Должна была сделать копию, обратиться в районную прокуратуру, рассказать Елене, найти семьи Сергея и Николая. Вместо этого она держалась за условие Дениса и убеждала себя, что сохраняет его волю. Когда газета назвала погибших беспечными, она написала возражение, но не приложила запись. Когда Виктор сказал, что уговаривал их остаться, она спорила в коридоре, а не публично. Когда через три месяца уехала с Ильёй в город, пакет остался в директорском шкафу вместе с описью

и обещанием.

Теперь, двадцать лет спустя, Лариса лежала в темноте и слышала, как ветер поднимает козырёк.

Она не знала, спасла ли запись или спрятала её. Оба ответа были правдой. Если бы она отдала кассету без условий, та могла попасть в дело и сохраниться, а могла исчезнуть в чужом столе. Если бы рассказала Елене, та имела бы право решать вместе с Денисом ещё до выхода, но Денис мог уничтожить запись. Если бы Лариса настояла сильнее, позвонила ещё десяти людям, заперла троих рыбаков в школе — море всё равно оставалось морем, а взрослые люди всё равно сделали свой выбор. Эти оговорки не отменяли единственного несомненного поступка: она солгала Елене утром после аварии.

Лариса включила свет и достала тетрадь. На чистой странице написала дату, затем три строки.

«Я получила кассету до выхода лодок».

«Я сообщила о готовящемся выходе в портовую службу и лично Виктору».

«Я не сказала Елене о письме и записи».

Под ними она добавила: «Первое и третье подтверждаются моей старой запиской и описью. Второе пока подтверждается только моей памятью».

Так выглядело прошлое, если не позволять стыду притворяться доказательством. Оно не становилось легче. Зато в нём появлялось место для вопросов, на которые имела пра-

во Маша.

Телефон на подоконнике показал половину четвёртого. Лариса не стала писать Маше. Не стала звонить Елене с признанием, выбранным потому, что самой тяжело ждать. Она закрыла тетрадь и поставила чайник.

Утром нужно было прийти в школу, провести два урока и спросить Нину Павловну, сохранились ли старые журналы входящей почты. Потом — найти сведения о следователе, принимавшем её заявление. Не для того, чтобы собрать обвинение раньше Маши. Для того, чтобы отделить то, что Лариса помнила, от того, что ещё можно было проверить.

Ветер стих перед рассветом. Козырёк ударил последний раз и замолчал.

Лариса открыла окно. С берега тянуло солью, мокрой древесины и дымом коптильни. На дороге лежали клочья снега, а между ними блестел чёрный асфальт. Двадцать лет назад ей казалось, что обещание — это вещь, которую можно запереть и сохранить неизменной. Теперь она понимала: всё время, пока хранился конверт, обещание меняло цену. Сначала цена была страхом Дениса. Потом — молчанием Елены. Теперь её должна была заплатить Маша, если взрослые снова поспешат объяснить ей, что именно она получила.

Лариса не могла вернуть тот вечер и ответить иначе. Могла только не занимать своим раскаянием место Машиного решения.

Глава 7. Срок обещания

Маша пришла до первого звонка и остановилась в дверях учительской, не входя. На ней была та же тёмная куртка, в которой она накануне унесла письмо, только капюшон оставался мокрым, словно девочка шла не по дороге, а вдоль самого берега. В руке она держала прозрачную папку. Конверт внутри был разрезан по короткому краю и заклеен сверху полоской малярной ленты.

Лариса поднялась из-за стола.

— Можно с вами поговорить?

В учительской сидела Валентина Сергеевна и заполняла журнал. Она сразу закрыла ручку колпачком.

— Я в библиотеку собиралась.

— Не надо уходить из-за меня, — сказала Маша.

— Я действительно собиралась. Просто ещё не знала об этом.

Она подхватила стопку тетрадей и вышла. Лариса дождалась, пока дверь закроется, но садиться не стала. До звонка оставалось двенадцать минут. Этого хватало для сообщения, но не для разговора, который мог начаться после него.

— Я прочитала, — сказала Маша.

Лариса посмотрела на папку.

— Письмо у тебя. Можешь не показывать его и не пересказывать.

— Я знаю.

Маша прошла к окну и положила папку на широкий подоконник. Во дворе старшеклассники сбивали носками ледяную корку с крыльца. Дежурная пыталась загнать их в школу, но они отступали на шаг, пропуская её, и снова возвращались к льду.

— Он знал, что я буду девочкой, — сказала Маша.

Лариса не сразу поняла.

— Денис?

— Папа. В вашей записке написано: будущему ребёнку. А он начал письмо «дочери». Мама, наверное, уже знала после обследования. Значит, он тоже знал.

— Возможно.

— Не возможно. Знал. Там написано, что они с мамой спорили об имени. Она хотела Олю, а он — Машу.

Лариса кивнула. От имени, выбранного до аварии, письмо становилось не свидетельством для неизвестного взрослого, а разговором с этим конкретным человеком у окна. Она удержалась от вопроса, почему победило Денисово имя. Такой вопрос принадлежал семье.

— Он не просит меня никого наказывать, — продолжила Маша. — И не пишет, что невиноват. Пишет, что согласился выйти. Потому что нужны были деньги и потому что не хотел отпускать Сергея с Николаем вдвоём. И ещё потому, что струсил отказаться при всех.

За дверью пробежали двое младших школьников. Один

крикнул, что звонок уже был, второй ответил, что это в начальной школе. Маша дождалась тишины.

— Он пишет: если про меня скажут, что я был только жертвой, не верь. Если скажут, что был только дураком, тоже не верь. Человек может сделать глупость, потому что его толкнули туда, куда он и сам собирался шагнуть.

Лариса узнала построение фразы, не слова. Денис любил соединять два неудобных ответа, когда от него ждали один. В выпускном сочинении он написал, что уехать из Тихой Губы трудно, а остаться ещё труднее, и получил от другого учителя замечание: «Определитесь».

— Это его точная фраза? — спросила она.

Маша прижала пальцы к папке.

— А вам зачем?

— Чтобы не пересказать потом как точную то, что я услышала от тебя. Можешь не отвечать.

— Почти точная. Но вы всё равно не пересказывайте.

— Не буду.

— Никому. Даже Илье.

— Никому.

— И маме.

На последнем слове Машин голос изменился. Не стал громче, только затвердел. Лариса вспомнила Елену в домашних сапогах, без шапки, в школьном коридоре двадцать лет назад. Потом — вчерашнюю Елену, которая узнала почерк на конверте и отвела взгляд.

— Если она спросит меня о содержании, я скажу, что письмо у тебя и только ты решаешь, кому его показывать.

Маша провела ногтем по полоске ленты.

— Она спросила ночью. Я сказала, что прочитала и что там нет ничего про неё плохого. Больше не показала. Она легла на диване в кухне и не спала. Я тоже. Мы слышали друг друга через стену, но не разговаривали.

— Ты можешь попросить Оксану Михайловну быть рядом, если захочешь поговорить с мамой. Или любого взрослого, которому доверяешь.

— Я пришла не за этим.

Лариса замолчала.

Маша достала из кармана сложенный лист в клетку. На нём было семь пунктов, написанных чёрной ручкой. Некоторые слова она зачеркнула так густо, что бумага протёрлась.

— Я решила про кассету. Пока не слушаю. Сначала её надо скопировать так, чтобы не испортить. Оригинал остаётся в школьном сейфе. Копий должно быть две. Одну отдадут мне. Вторая останется в запечатанном пакете, и никто её не включает без моего согласия. При копировании буду я, вы и человек, который умеет это делать. Не Виктор. Не Илья. Не мама, если я сама её не позову.

Она читала быстро, словно боялась, что Лариса вставит слово между условиями.

— Школа пишет акт: кто был, что делали, на каком аппарате, сколько файлов получилось. Ничего не обрезать. Если

там разговор до или после того места, которое все считают важным, он тоже остаётся. Мне объясняют, можно ли проверить время записи и не склеена ли плёнка. До проверки никто не называет запись доказательством. И в юбилейный проект она не идёт.

Маша опустила лист.

— Всё.

Первый звонок ударил над дверью. Из коридора донёсся топот, за которым почти сразу наступила школьная тишина — не настоящая, а составленная из голосов за стенами.

— У меня сейчас десятый «Б», — сказала Лариса. — Я могу попросить замену, если ты хочешь продолжить.

— Я тоже в десятом «Б».

Они посмотрели друг на друга. У Маши дрогнул угол рта, но улыбки не получилось.

— Тогда нам обеим пора на урок, — сказала Лариса. — Твои условия разумные. Я передам их директору только в той части, которая нужна для хранения и копирования. Личное объяснять не стану.

— Вы согласны?

— Решение о письме и записи принадлежит тебе. Но на счёт школы есть одна сложность: Нина Павловна может считать кассету частью архива. Тогда она захочет согласовать порядок с учредителем или юристом.

— Значит, пусть согласует. Только пока согласует, никто не слушает.

— Да.

— И вы не забираете её домой.

— Не забираю.

Маша сложила лист ещё раз.

— Я напишу чисто и подпишу.

— Сделай копию себе. И не оставляй единственный экземпляр в школе.

— Вы теперь всё копируете?

Вопрос прозвучал как укол, но Лариса не стала от него уклоняться.

— Теперь я стараюсь не оставлять чужое решение зависеть от одной моей памяти.

Второй звонок раздался, когда они вошли в кабинет. Одноклассники уже сидели, только Кирилл Дёмин стоял у доски и пытался незаметно стереть нарисованную кем-то рыбу с человеческими ногами. Увидев Машу, он положил тряпку и сел.

На уроке разбирали, как меняется смысл, если убрать из сообщения источник. Лариса приготовила упражнение ещё неделю назад: несколько коротких заметок, в которых фразы «жители решили», «специалисты считают» и «стало известно» прикрывали отсутствие названного человека. Теперь тема казалась опасно близкой к тому, что происходило вокруг Маши. Отменить её значило бы обратить на девочку больше внимания.

Лариса раздала листы.

— В каждом тексте найдите утверждение, которое нельзя проверить в том виде, как оно написано. Не угадывайте, правда это или нет. Скажите, чего не хватает.

Класс работал непривычно тихо. Маша не подняла голову даже тогда, когда сосед попросил линейку. В третьем примере было написано: «Очевидцы подтвердили, что лодка вышла по решению экипажа». Лариса заметила эту фразу слишком поздно. Она сама включила её в задание по старой районной заметке, изменив место и дату.

Маша подчеркнула «очевидцы» и написала на полях. Лариса, проходя между рядами, не стала читать через плечо. Когда пришло время отвечать, руку поднял Дёмин.

— Надо назвать очевидцев.

— Почему?

— А то их может не быть.

— Может быть и другая причина, — сказала Маша, не поднимая руки. — Они могут быть, но видеть только часть. Например, что люди сели в лодку сами. Это не значит, что до этого им никто ничего не приказал и не пообещал.

Кирилл повернулся к ней.

— Но если сами сели, всё равно сами.

— Одно другому не мешает.

Лариса положила ладонь на край стола.

— Это важное уточнение. Добровольное действие не отвечает автоматически на вопрос, что ему предшествовало. Но и давление не отменяет самого действия. В тексте не хва-

тает имён свидетелей, описания того, что именно они видели, и других источников.

Она услышала собственные слова так, как услышала бы их Маша: точные, ровные, недостаточные. Однако на этот раз точность не прятала ответа. Она оставляла открытыми обе части, ни одну не превращая в удобную легенду.

После урока Маша ушла вместе со всеми. Лариса решила, что разговор окончен, но на большой перемене девочка снова появилась у кабинета. Теперь с ней была Оксана Михайловна, школьный психолог. Та принесла три стакана чая из столовой и поставила их на круглый стол в своём кабинете.

— Маша попросила меня быть свидетелем разговора, — сказала она. — Не посредником. Если кому-то понадобится остановиться, скажите.

На подоконнике у психолога стоял деревянный маяк, сделанный пятиклассниками. Его красная крыша была приклеена набок. Маша выбрала стул напротив двери.

— Теперь вы расскажите, — сказала она Ларисе. — Что было после того, как папа оставил письмо.

Лариса поставила стакан на блюдце. Она могла начать со звонка в порт, с разговора с Виктором, с попытки отговорить Дениса. Всё это было правдой и всё заранее смягчало то, что следовало сказать.

— Утром после выхода лодки твоя мама прибежала в школу и спросила, виделась ли я с Денисом. Я ответила, что видела его мельком и что важного разговора не было. Это

была ложь.

Оксана Михайловна не шевельнулась. Маша смотрела на Ларису, будто ждала продолжения, которое изменит смысл первой фразы.

— Почему?

— Я испугалась. Денис просил не рассказывать о записи сразу. Я решила, что сохраняю его волю и саму кассету. Ещё я боялась, что запись заберут и она исчезнет. Но всё это не меняет того, что у твоей мамы отняли важную правду в день, когда она искала Дениса.

— Он запретил вам говорить?

— Он попросил не давать слушать кассету и передать письмо ребёнку после шестнадцатилетия. Прямого запрета сообщить Елене о разговоре после аварии не было. Я сама соединила разные вещи и назвала это обещанием.

— Вы слушали кассету?

— Нет.

— Ни разу?

— Ни разу.

— А письмо?

— Нет.

— Откуда вы знали, что там не что-нибудь ужасное? Что он не обвиняет маму? Что он вообще писал мне, а не прятал деньги или ещё что-то?

— Не знала. Денис вложил письмо при мне и отдельно написал, кому и когда передать. Я решила довериться ему.

Сейчас понимаю, что этим доверием распорядилась не только за себя.

Маша взяла стакан обеими руками. Чай был слишком горячим; она сразу поставила его обратно.

— Мама говорила, что вы уехали, потому что вам было стыдно.

— Мне было стыдно. Но уехала я не только поэтому. Илья часто болел, его отец уже работал в городе, а мне предложили место в школе с жильём. Если я скажу, что уехала из-за семьи, это будет правда. Если скажу, что мне стало трудно встречать твою маму и Виктора, тоже будет правда.

— А если бы мы не нашли коробку?

— Я вернулась, не зная, что она сохранилась. В описи увидела её в первый день. Если бы не увидела, обещание осталось бы неисполненным.

— Значит, вы не ради него вернулись.

— Нет.

Маша кивнула, словно этот ответ был неприятным, но необходимым. За стеной кто-то несколько раз ударил мячом о пол спортивного зала. Оксана Михайловна встала, закрыла форточку и снова села.

— Почему вы говорите это мне, а не маме? — спросила Маша.

— Потому что разговор начался с твоего письма и твоего решения. Но о своей лжи Елене я обязана сказать самой Елене. Не тайно от тебя и не так, чтобы ты потом оказалась

между нами. Я хочу спросить, как сделать это, не раскрыв содержание письма и не сообщив о кассете больше, чем ты разрешишь.

— Вы хотите моего разрешения признаться, что соврали ей?

— Нет. На признание в собственном поступке разрешение не нужно. Мне нужны границы того, что касается твоих материалов.

Маша долго смотрела на кривую крышу маяка.

— Скажите ей только то же самое. Что папа приходил, оставил закрытые вещи и вы соврали утром. Про письмо она и так знает. Про кассету тоже. Не пересказывайте ничего. И не говорите, что сделали это ради папы. Он не просил врать после.

— Хорошо.

— И я буду там.

— Если ты уверена.

— Я не уверена. Но без меня вы опять решите, какие слова меня берегут.

Оксана Михайловна спросила:

— Тебе важно присутствовать или важно, чтобы разговор не состоялся без твоего ведома? Это разные вещи.

Маша нахмурилась.

— Присутствовать. Мама потом всё равно спросит, что в письме. Я хочу сама ей ответить.

— Тогда можно договориться о месте, времени и праве

каждого остановить разговор, — сказала психолог. — Не сегодня, если вы обе не готовы.

— Сегодня, — ответила Маша. — После уроков. Если отложить, мама будет думать, что мы здесь что-то готовим.

Лариса не сказала, что ей самой хотелось бы отложить. Именно поэтому откладывать было нельзя.

Они составили короткую записку для Нины Павловны. Маша переписала условия хранения и копирования, поставила дату и подпись. Оксана Михайловна подписалась как свидетель того, что условия сформулированы самой Машей. Лариса сделала две копии на школьном аппарате. Оригинал Маша забрала, одну копию передали директору, вторую положили в отдельный конверт к акту передачи.

Нина Павловна прочитала лист стоя.

— Насчёт двух копий надо узнать, — сказала она. — Если материал школьного фонда, мы не можем просто отдать файл несовершеннолетней.

— Письмо и запись были приняты на хранение для определённого адресата, — сказала Лариса. — Это не экспонат, который школа собирала для себя.

— Я не спорю. Я говорю: надо оформить.

Маша не отвела взгляд.

— Оформляйте. Но пока не оформили, кассету никто не включает.

Директор перечитала последний пункт.

— Этого я и без бумаги не позволю.

— С бумагой лучше, — ответила Маша.

Нина Павловна вздохнула, но кивнула.

После уроков Елена пришла в кабинет психолога на десять минут раньше. Она не сняла пальто, только расстегнула ворот. Увидев папку у Маши на коленях, села рядом, но дочь переложила папку на другую сторону. Движение получилось небольшим и потому особенно заметным.

— Что случилось? — спросила Елена. — По телефону сказали, с письмом всё в порядке.

— С письмом всё в порядке, — ответила Маша. — Я прочитала. Показывать пока не буду.

Елена сжала губы.

— Я не собираюсь вырывать его у тебя.

— Я знаю.

— Тогда зачем меня вызвали?

Лариса повторила свою первую фразу без вступления. Сказала, что Денис пришёл к ней перед выходом, оставил закрытое письмо и кассету, а утром она солгала Елене, будто важного разговора не было.

Елена выслушала до конца. Лицо у неё не изменилось, лишь пальцы медленно расстегнули и снова застегнули нижнюю пуговицу пальто.

— Я спрашивала вас три раза, — сказала она.

— Да.

— В школе. Потом у конторы. Потом после поминок без тел, когда все разошлись.

— Да.

— Вы каждый раз говорили, что он заходил насчёт старого сочинения.

Лариса помнила только два разговора. Спорить о числе значило бы защищать себя памятью против памяти Елены.

— Я помню не все три, но верю, что они были. Я лгала.

— Вы верите.

Елена повернулась к дочери.

— А ты знала?

— С сегодняшнего утра.

— И решила посидеть с ней в школе до моего прихода?

— Я решала, что будет с моим письмом и кассетой.

— Твоим письмом — да. Но он был моим мужем.

— И моим отцом.

— Которого ты не знала.

Слова вырвались у Елены, и она сразу закрыла глаза. Маша не ответила. Папка хрустнула под её ладонью.

Оксана Михайловна тихо сказала:

— Давайте остановимся на минуту.

— Не надо, — сказала Маша. — Это правда. Я его не знала. Поэтому мне и оставили письмо.

Елена расстегнула пальто до конца, будто в комнате внезапно стало жарко.

— Что там про меня?

— Ничего плохого.

— Это ты уже говорила.

— Больше пока не скажу.

— Почему?

— Потому что я только вчера получила от него хоть что-то, чего раньше не прочитали и не объяснили другие. Дай мне побыть первой хотя бы несколько дней.

Елена посмотрела на дочь так, словно увидела в ней не ребёнка и не Денисово продолжение, а отдельного человека, появившегося без предупреждения. Потом кивнула один раз.

— Несколько дней, — сказала она. — Не навсегда.

— Не навсегда.

Лариса сидела напротив и чувствовала, как любое слово с её стороны испортит этот короткий договор. Она пришла признать свою ложь, но последствия признания не принадлежали ей. Нельзя было попросить прощения сейчас: просьба заставила бы Елену либо дать то, чего у неё не было, либо ещё раз отказать человеку, который и так занял слишком много места в её утрате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.